

Юлия Дэйкина

Сневицица и лис

Хроники зрителей

Annotation

В мире людей нет места полукровкам, особенно если ты сновидица, способная черпать магию из мира снов. Так думала и я, потому и ушла жить на пустоши с духами. Но пути междумирья неисповедимы! Очередная легкая прогулка в мир снов оборачивается пленом, сражениями, таинственными знакомствами и, конечно же, любовью. Насколько изменит меня знакомство с лисом? Смогу ли я, изменив мир, остаться собой...

Сновидица и лис

Хроники зрителей

Юлия Дэйкина

Пролог: Междумирье

— У нас ситуация! — пухленький паренек в круглых очках неуклюже ввалился в кабинет, взволнованно потрясая кипой бумаг, которую каким-то чудом удерживал в коротких толстых пальцах. Кое-как застегнутая рубашка и очки набекрень говорили о сильнейшей спешке.

— Да у нас всегда ситуация, расслабься, Жак! — презрительно бросила роскошная блондинка в черном кожаном костюме, вальяжно растянувшаяся на единственном комфортном месте — бесцветном потертом диванчике.

Остальная часть кабинета представляла собой нечто среднее между свалкой и архивом. Повсюду на полу, полках и огромном письменном столе из белого мрамора валялись кипы бумаг, разноцветных папок, книг, пожелтевших свитков, канцелярских принадлежностей, кристаллов и самоцветов разнообразных форм и оттенков.

— Вот только тебя, Кира, забыли спросить! — недовольно нахмурился хозяин кабинета, высокий, нескладный, уже начавший лысеть мужчина средних лет. — Что там у тебя, Жак?

— Катастрофа! Коллапс! Армагеддон! — затараторил парнишка, тыча пальцами в столбики рун на оставшихся в его руках паре бумажек. Остальная кipa уже успела разлететься по всему кабинету.

— Жак! — прикрикнул на него хозяин кабинета. — Говори по существу!

— Но катастрофа же, — пробормотал парень, опустил глаза и глубоко вдохнул, собираясь с мыслями. Но уже через пару секунд его голос был убийственно спокоен. — По существу, Геннадий Викторович, у нас следующее: Мир АА3134, проникновение в цитадель с целью захвата сил. Двое зрителей убиты, остальные неизвестно где, а госпожа Кира разлеглась тут, как будто ее это не касается!

Тот, кого называли Геннадием Викторовичем, цветасто выругался на нескольких языках сразу и вскочил из-за стола.

— Опять твой мир, Кира! Доцапались?! А я вас предупреждал! Когда вы там уже наведете порядок?! Или тебе еще одно взыскание устроить?! — заорал он, сердито сверкнув неопределенного цвета глазами из-под таких же бесцветных бровей.

— Я не виновата, что вы собрали в одну команду всех недоумков агентства! — взъерепенилась блондинка, яростно сверкнув зелеными глазами. — Я должна была стать главным зрителем в одном из центральных миров, а не в этом захолустье! А теперь застряла в их бесконечных дразгах! Две тысячи лет прошло! Две гребаные тысячи, а ты так и не потрудился меня перевести!

— Сбавь-ка свой тон, зритель! Вспомни, с кем разговариваешь!

Геннадий Викторович оглушительно грохнул кулаком о мраморный угол стола, отколов приличный кусок, который гулко стукнулся о заваленный папками пол. Блондинка недовольно скривилась, прошипела что-то нечленораздельное, но потом все же замолчала, с вызовом уставившись на начальство.

И тогда в наступившей гробовой тишине раздался едва слышный голос Жака:

— Ген... Геннадий Викторович, что делать-то будем?

— Дай мне проекцию! Попробуем исправить все отсюда. А ты, Кира, заткнись и сядь! Мы поговорим позже, когда решим проблему.

Тем временем Жак довольно бойко расчистил центр комнаты, на скорую руку, но

абсолютно идеально начертил маркером на блестящем паркете вписанные в круг замысловатые символы и осторожно сделал несколько пазов руками. Рисунок замерцал, затем радужно вспыхнул, и в воздухе образовалось что-то вроде экрана, освещенного по периметру несколькими рядами фиолетовых рунических связок. Рядом прямо в воздухе мелькали строчки текста, повествующие о состоянии дел в проецируемом мире. А на самом изображении творилось что-то несусветное.

Молодой, обнаженный по пояс мужчина с длинной светлой косой направо и налево размахивал парными клинками, отбиваясь от полчищ разнообразных чудовищ. Причём каждый монстр отличался от своих собратьев. Рядом с ним, огромный словно медведь, лохматый темноволосый парень так же яростно вращал недлинным копьём. То и дело оружие обоих отражало молнии, огненные шары и ещё неведь что, летящее в них со всех сторон. Позади защищающихся, в столпе света, рядом с мерцающей золотистой сферой, лежала светловолосая женщина, все ещё сжимая в безжизненных руках длинный лук. Чуть дальше лежало ещё один зритель, а по прекрасному мозаичному полу под ним растекалась кровавая лужа.

— Они уже у святилища! — как-то по-девичьи взвизгнул Жак и тут же смущенно зажал рот руками.

— Блокируй! — отозвался Геннадий Викторович.

— То есть как? Но там же они... их же перебьют! — возмутился было парнишка, но быстро смолк под тяжелым взглядом начальства.

— Все мы умрем рано или поздно. А вот если эти маги захватят святилище и обретут ключи, мир окажется на грани и разбираться придется оперативникам. А ты знаешь, как они это делают!

Жак вздрогнул. Видимо, его воспоминания об опергруппе агентства, были не из лучших.

Пухлые короткие пальцы начертили в воздухе очередную руну, и уже через несколько секунд золотистая сфера на экране мигнула, заполнилась багровым светом и взорвалась, испепеляя все на своем пути. А двое последних защитников цитадели остались неподвижно лежать на полу рядом с погибшими товарищами.

Геннадий Викторович устало провел ладонью по бесцветному лицу, Жак тяжело опустился на ближайший стул, протерев пальцами мокрые от слез глаза. Лишь Кира осталась сидеть неподвижно, сохраняя на лице надменно-каменное выражение.

— Если ты этого добивалась, зритель, поздравляю, твоя команда мертва, а мир скорее всего обречен, потому что нападавшие успели впить столько силы, что любой из них теперь вполне способен уничтожить все живое одним только своим присутствием. — хрипло проговорил бесцветный мужчина. — Придется отправлять оперативников на их нейтрализацию.

— Верните меня туда, и я все исправлю, — алчно блеснула глазами блондинка. — Я сама вполне способна справиться с этим маленьким мирком. Мне не нужна толпа...

Но договорить она не смогла, лишь громко охнула и исчезла в радужной вспышке. В тот же миг проекция мигнула красным, являя собравшимся плывущие одну за другой руны.

— Это он! Директор! Геннадий Викторович, это Директор! — ахнул Жак, жадно уставившись на мерцающие алым знаки.

Бесцветный тут же вскочил и тоже прильнул к картинке и то, что он там увидел, повергло его в изумление.

Только что погибшие на его глазах зрители были целехоньки. Светловолосый

мужчина что-то быстро говорил, упав на колени перед сотканной из света крылатой фигурой. Полная раскаяния поза говорила сама за себя. Через мгновение там же материализовалась Кира. Ошарашенно, она уставилась на крылатую фигуру, но уже через мгновение бросилась бежать и вскоре исчезла из виду.

— Он убьет их? — дрожащим голосом спросил Жак.

— Нет. — Геннадий Викторович отрицательно качнул головой, — Сам знаешь — «Жизнь есть единственная главная ценность и нет ничего важнее ее.»

— Да, я помню. Но все же — такая вина... Чуть не разрушили целый мир!

— По вине будет и наказание. — отозвался начальник, — Все еще не отрывая взгляда от проекции.

Крылатая фигура медленно повела рукой, останавливая объяснения зрителей. Руки каждого из них засветились, лица исказила гримаса боли.

— Ч... что происходит? — голос Жака все еще дрожал, выдавая излишнее волнение. И не удивительно — большинство зрителей мира АА3134 были его однокашниками, включая Киру и светловолосого мужчину, Феора, кажется.

— Он воспользовался правом Отчуждения. Теперь зрители смертны и являются частью мира, который чуть не погубили. Но им оставили ключи. Это их шанс вернуться, предварительно искупив вину и исправив нанесенный ущерб. До того времени мир будет закрыт. — сухо ответил бесцветный. — На моем веку такое было всего один раз.

— И как?

— А никак! Тот мир погиб, потому что посланного Директором фактора один из свихнувшихся зрителей убил еще в младенчестве.

Жак побледнел и шумно сглотнул.

— Ф-фактора?

— Да, — кивнул головой его начальник, — аномалию, того, кого не должно быть в принципе. Такой человек создает вокруг себя завихрения. Что-то типа кругов на воде, которые непредсказуемо влияют на мир, пробуждая его скрытые возможности. Но как я и сказал — того фактора убили. Мир погиб.

— То есть, директор пошлет этого фактора и сюда? Но дождутся ли его ребята? Жизнь смертных коротка, нам ли с вами не знать? — возмутился паренек.

— Не нам оспаривать его решения, Жак! — вздохнул Геннадий Викторович и одним движением погасил проекцию, на которой теперь красовался лишь зажжённый заново шар света. Зрители покинули цитадель, оставив ее тому, кто сможет вернуться. Крылатая фигура растаяла в воздухе вслед за ними.

Когда несчастный Жак, собрав бумаги, тихо выскользнул за дверь, Геннадий Викторович тяжело опустился в кресло и задумчиво сцепил пальцы. Это был не первый из подшефных ему миров, где зрители по неосторожности устраивали бедствия. Однако, первым, где это было сделано намеренно. Он был более чем уверен, что в течение нескольких минут получит письмо от Директора. Знал он и каковым будет его содержание.

Нужно было собрать данные для расследования, завести дело и отправить все материалы в отдел внутренней безопасности. Но на кого? Взгляд его рассеяно блуждал по диванчику, где всего несколько минут назад вальяжно возлежала его бывшая любовница. Почему бывшая? Скорее всего потому, что он больше никогда ее не увидит. Хотя, возможно оно и к лучшему. В последнее время Кира, чувствуя его поддержку, позволяла себе слишком многое, тем самым компрометируя его власть, которой он с таким трудом добивался не одну

сотню лет.

Легким движением пальцев он создал небольшую проекцию и продиктовал:

— Всем сотрудникам с копией на меня и Директора: Коллеги, с этого момента мир АА3134 запрещен для посещения до особого распоряжения. Все члены команды зрителей, работавших по этому миру, изолированы. Какие-либо контакты с ними запрещены. Разрешение на посещение можно получить только у меня при непосредственной подписи Директора. Удачного всем рабочего года! Менеджер по рискам, Чур Геннадий Викторович.

Покончив с бумажной волокитой, он устало откинулся на мягкую спинку массажного кресла и подложил под затылок сплетенные пальцы. Мысли его все продолжали вертеться около сложившейся ситуации и роскошной зеленоглазой блондинки с задорной улыбкой и весьма стервозным характером. Да, она была не подарок, но это и позволяло ей держаться на плаву в любой ситуации. Почему-то он был уверен в ней и на этот раз.

— Что же ты предпримешь теперь, Кирара? — едва слышно прошептал он и, погасив проекцию, со спокойной совестью отправился на обеденный перерыв.

Феор медленно просыпался. Что-то прервало его тысячелетнюю дрему. Что-то едва ощутимое, эфемерное, словно легкое дуновение ветерка или знакомый запах. Ощущение нарастало и давно позабытое предчувствие опасности змеей зашевелилось у сердца. Раньше это ощущение было чем-то привычным, но сейчас... Какая опасность могла угрожать ему, запертому изнутри в крохотной пещерке глубоко в горах? Дух нехотя устремился из бесконечных просторов Гипноса в давно заброшенное тело. Ощущение опасности нарастало, и он инстинктивно спешил проснуться.

Для начала стоило позаботиться о дыхании. Он судорожно вдохнул полную грудь и тут же дернулся от резкой боли. Он уже позабыл, что самые обычные вещи, вроде воздуха в легких, в мире живых могут причинять огромную боль, если долго не практиковаться. Через пару минут судорожных вдохов и выдохов, когда организм снова «научился» поглощать такой необходимый для жизни кислород, Феор осторожно открыл глаза. Однако, ничего не увидел, кроме какой-то темной мути. Он быстро поморгал, изображение стало чуточку лучше, появились очертания предметов, но картинка все еще расплывалась, словно от попавших в глаза капель воды. Инстинктивно, он потянулся руками к лицу, чтобы протереть их, но тело не послушалось. Руки поднять не получилось, тогда он решил какое-то время просто полежать с открытыми глазами, чтобы зрение вернулось полностью. В конце концов, все могло быть и хуже. Тело могло вообще отказаться подчиняться. Столетний сон слишком тяжелое испытание для смертной плоти.

Через некоторое время, после долгих болезненных упражнений, он уже стоял на ногах, слегка пошатываясь, и подслеповато щурил ярко-золотые глаза. Зрение возвращалось очень медленно. Он недовольно помассировал закрытые веки, смахнул выступившие слезы и снова обвел взглядом свое убежище. За прошедшие годы здесь ничего не изменилось. Разве что книги истлели, одежда, некогда покрытая кровью врагов, превратилась в груды пепла около каменного ложа, на котором он в забытии провел последние пару десятков столетий. Однако, сама пещера от времени не пострадала. Лишь камень, загораживавший вход теперь был

сдвинут, и впускал в уютный полумрак яркие, острые словно лезвия, солнечные лучи.

Но все же, чего-то не хватало. Или кого-то.... Дракон! Не хватало дракона, который охранял его сон долгие сотни лет. Как он мог позабыть?! Зверь бы огромен и когда-то занимал добрую половину пещеры. Как вообще можно было не заметить отсутствия чего-то настолько массивного?!

Конечно, зверь мог проснуться раньше него и отправиться размяться наружу. Да вот только, камень у входа был сдвинут самую малость. Через такую щель трудно было бы протиснуться даже человеку, не то что трехтонной туше его питомца.

Осторожно, чтобы не споткнуться, на заплетающихся ногах, Феор двинулся вперед, надеясь понять куда мог подеваться его страж. Попутно он ощупал все стены. Обереги и охранные заклятия были на месте. Значит, внутрь никто не входил. Но кто-то же должен был отодвинуть камень. Быть может, просто любопытный смертный? Камень убрал, а идти дальше побоялся... Такое уже бывало раньше.

От раздумий его оторвала тень, на мгновение затмившая проникающие в пещеру лучи. Феор молниеносно отскочил от световых пятен на полу, в сторону спасительного полумрака. Надо сказать, получилось у него довольно неуклюже, тело все еще отказывалось полностью подчиняться.

Ощущение опасности превратилось в громкое назойливое жужжание где-то внутри головы, не дававшее нормально сосредоточиться. Он осторожно высунулся, прислушался и наконец, сделал пару шагов к двери, рядом с которой когда-то располагалась стойка с оружием. Однако, вместо древних мечей, грудой валявшихся на истлевшей деревяшке, которая когда-то их поддерживала, взгляд его остановился на невысокой женской фигуре в простом сером платье без украшений. На плечи и голову незнакомки был наброшен такой же серый плащ, а из-под него виднелась абсолютно белая, простая маска в форме красивого женского лица, но без прорезей для глаз, рта и носа. Феор насторожено замер и принюхался. По спине пробежал непривычный холодок. От незнакомки разило смертью и кровью. Но он чувствовал еще один запах, слабый, еле заметный аромат весеннего разнотравья. Такой знакомый, родной, привычный запах...

— Кира? — наконец, хрипло выговорил он.

— Ты удивляешь меня, дорогой, — звонким, юным голосом произнесла женщина, — Всего пару часов после пробуждения, а ты уже можешь говорить... Мне придется поспешить, еще немного, и ты сможешь сражаться. А мне это сейчас не нужно...

В одно мгновение она оказалась рядом с ним. С облаченных в черную кожу рук слетели тонкие нити, накрепко скрутив его на месте. Тело отозвалось на неожиданное насилие сильнейшей судорогой. Не удержавшись на месте, он рухнул на спину. Женщина, не теряя времени, неспешно подошла к нему, задрала юбки и удобно устроилась у него на животе.

Феор недовольно зашипел, но не преминул отметить отсутствие белья под юбкой своей давней знакомой. Он всегда считал себя любителем женских прелестей, но на этот раз лишь брезгливо поморщился. В конце концов, когда-то, в прошлой жизни она была ему сестрой, хоть и не по крови.

Все наблюдатели, можно сказать, были одной семьей. Но Кира... Подруга детства, близкая, словно сестра... единственная, кто разделял его интересы и желания. Отчего вдруг такая перемена?! И к чему эта маска?

Иллюзорный аромат трав исчез, воздух заполнил мерзкий металлический, затхлый запах смерти. Кира не могла так пахнуть. Слишком сильно она любила жизнь и слишком яро

ненавидела смерть. Неужели самозванка? Но голос... запах...

— Кира, к чему этот спектакль? — ярко-желтые глаза яростно уставились на безликую маску.

В ответ та пожала плечами.

— Полагаю, иначе мне с тобой не справиться, дорогой. К тому же, есть вещи, которые... — Кирара игриво поерзала у него на животе, — Я хочу только для себя. А потому... мне нужен твой ключ. Отдай его мне! — лицо-маска приблизилось, будто слясь заглянуть в душу. Он дернулся в безуспешной попытке освободиться.

— У меня нет ключа, — Феор постарался напустить на себя как можно более невозмутимый вид. Сражаться в таком состоянии он действительно не мог, потому решил попытаться перехитрить наглую подругу. Само собой, позже он найдет ее и заставит заплатить за это унижение. Связывать его, Феора, одного из сильнейших зрителей, а уж тем более валить его на пол, удивительное безрассудство.

— Не пытайся обмануть меня, дорогой, — в голосе женщины звенел смех, — я готова к любым твоим уловкам. Ключ у тебя, я слышу его зов... О... он так хочет быть со мной, — хриплым шепотом выдохнула она ему в ухо. — Отпусти его, отдай...

— Для чего он тебе? — Феор решил немного потянуть время. Перехитрить ее не удалось, так может, получится заговорить, пока силы не вернутся к нему. О, попадись она ему раньше, даже пикнуть бы не успела. В лучшем случае ее бы пришлось соскабливать со стен этой пещеры.

— Неужели не понял? Я просто хочу домой. Директор не справедливо изгнал нас и Цитадель пустует. Но вот незадача, — женщина очень натурально изобразила в голосе печаль, — находится она в Гипносе. А туда в физическом теле лишь одна дорога — через врата. Твой ключ, дорогой, поможет мне их открыть.

— У меня нет ключа, — нахмурившись, повторил он, уж не думаешь ли ты, что будь он у меня, я бы спал здесь, в норе, в этом проклятом мире, вместо того, чтобы вернуться домой и самому сесть на престол!

Кирара замерла. Затем одним резким движением схватила его руку и вывернула запястьем наверх. Там, на бледной после долгого пребывания в темноте, коже тускло светились витиеватые руны. «Врата открыть...» — гласила надпись на языке изначальном. От злости она вцепилась в его запястье так, что на ее пальцах побелели костяшки.

— Почему он молчит?! — яростно прошипела женщина.

Феор поморщился от боли.

— Догадайся, — с трудом выдохнул он.

— Как пожелаешь!

По незаметному сигналу заклинательницы, стальные нити, окутывавшие его, сжались, с силой впившись в кожу.

Феор задохнулся от боли. Он чувствовал, как под напором невидимой магии хрустят кости, лопается кожа. Наконец, не выдержав, он закричал, и стены пещеры содрогнулись от этого крика. Еще бы, ведь, когда говорит бог, его слышит весь мир. Когда же он кричит, рушатся горы, трескается земля, разливаются реки и великие штормы перекраивают карты морей и океанов. Так и случилось бы, будь он в полной силе. Но сейчас его крики были слабы, как мяуканье котенка. И все, на что их хватило, это проделать несколько трещин в своде его небольшой пещерки.

Однако, похоже, даже такое проявление силы впечатлило его знакомую. Потому что

хватка железных нитей вдруг ослабла.

— Почему ключ молчит? — повторила она. Только на этот раз ее голос звучал устало и, как ему показалось, даже безразлично.

— Потому что теперь это просто ключ, — прошептал он севшим от крика голосом. — Когда я привел к Цитадели человеческих сновидцев, они напали на нас. А когда я попытался вернуть их обратно, появился Директор. Мы провинились, Кира! У меня и остальных хватило ума раскаяться. Мне оставили только ключ. Без силы смотрителя он бесполезен. Вина должна быть искуплена. С тех пор я жду.

Кирара недовольно дернула плечом.

— От вас, сотруди́чки, никакого толку! Будь вы поумнее — сдохли бы сразу. Но нет! Вам обязательно нужно было отбиваться до последнего, привлекать внимание! И где мы сейчас? Все это твоя вина, Феор! — безжизненный голос женщины, неожиданно снова наполнился эмоциями. Он отчетливо уловил нотки отчаяния, боли и разочарования. — Я всего лишь хотела убрать конкурентов. Я заслужила это повышение! Но Директор посмел изгнать меня в эту мерзкую дыру... В этом ужасном немо́щном теле и без ключа!

Она снова схватила его запястье и поднесла к нему ажурный браслет из белого серебра. В руку в районе запястья впились невидимые нити. Затем, резкая боль дернула ладонь с такой силой, что женщина еле ее удержала. И ключ исчез. А браслет тускло засветился, впитывая в себя магический код, затем погас, снова превратившись в простое украшение.

Кирара резко слезла с него, отряхнула серое платье, поправила капюшон.

— Ну что ж, счастливо оставаться, дорогой. Жаль, я пока не могу убить тебя, тогда дракон станет бесполезен. Но я исправлю это, как только вернусь в Цитадель. — С этими словами она вытянула вверх руку и что-то прошептала. Феора обдало жаром и Кирара исчезла в языках синего пламени. Стальные нити, стягивавшие его по рукам и ногам, опали на пол ржавой пылью.

Феор с трудом встал, расправив затекшие от долгого лежания руки. На каменном полу под ним расплылось несколько небольших лужиц крови из ран, где проклятые нити повредили кожу. Он недовольно провел рукой по порезам. Они уже не кровоточили, но, почему-то, до сих пор не затянулись, хотя раньше на нем все заживало за пару секунд. Конечно, это можно было свалить на усталость и все еще не вернувшиеся в полной мере силы, но, если раны продолжают так долго затягиваться, выживать ему станет намного сложнее. К тому же, еще сразу после пробуждения он почувствовал, как мало силы осталось в мире. А ведь когда-то здесь воздух буквально звенел от магии и огромного количества живущих в нем духов. Сейчас же его окружала пустота. Будто сама жизнь покидала заброшенный богами мир.

Он устало провел ладонью по лохматой голове. Волосы за время длительного сна, выросли почти до метровой длины. И это несмотря на то, что тело его все это время лежало почти мертвым. Заостренные ногти больше напоминали звериные когти. Стоило привести себя в порядок, да и об одежде надо было подумать. Все, что было на нем раньше, истлело с течением времени. Так что проснулся он практически голым. Хорошо, что никто не видел его сейчас таким... жалким... слабым.

Воспоминания больно кольнули сердце. Оцепенение, в котором он находился последние несколько часов после пробуждения, спало. Чувство вины, почти полностью забытое за время странствий в Гипносе, сковало душу ледяными цепями. Утрата, вина, сожаление... Казалось, он весь превратился в боль, исчезнув в этом ужасном водовороте. Одно за другим в

памяти всплывали лица. Лаинни — нежная и в то же время суровая, как сама природа. Мертвая на радужных плитах у Престолов Богов. Тиар и Руторк — яростные, сильные, непобедимые. Бьются до конца. А затем... смерть и возрождение. Гневный взгляд Директора, разочарование в его голосе. Жизнь в смертном теле отныне и навеки. И все, что остается — бесполезный осколок ключа на руке. А надежда вернуться обратно тает с каждым днем.

И вот он стоит посреди пылающего мира, наблюдая, как гибнут эльфы, любимые дети создателя, как уходят под землю их города, а память застилает туман... И ему хочется кричать, хочется исчезнуть, забыть себя... предателя... убийцу... Чем он лучше своей спятившей подруги, подбившей его на предательство? Ничем... а возможно, со временем, станет еще хуже...

Огромным усилием воли, Феор загнал воспоминания обратно в глубины сознания. Чувство вины не поможет ему вернуть утраченное. Глубоко вздохнув, он открыл глаза, не без удивления отметив оплавленный камень пещеры. Эмоциональные всплески и раньше выпускали его силу из-под контроля. Но сейчас, разрушения были больше обычных. Он думал, что боль утихнет со временем. Этого не произошло. За прошедшие столетия его боль только усилилась, странно, что пещера выдержала такой натиск.

Но во всем этом была и хорошая сторона — на этот раз потеря контроля позволила быстро восстановиться после сна. По крайней мере, он чувствовал себя здоровым и полным сил.

А значит — нельзя было терять ни минуты!

На повестке дня стояло возвращение ключа, его единственной надежды на возвращение домой и искупление. Да и наглую подругу стоило проучить. А заодно и узнать, что свело ее с ума. К тому же, стоило подыскать новое тело. Это уж очень сильно изнашивало с годами.

Глава 1: Сайена

В небе серебристым сиянием переливался звездопад. Разноцветные искры одна за другой вспыхивали на иссиня-черной небесной глади и ярким росчерком падали куда-то за горизонт. Некоторые огни от края до края пересекали темный бархатный небосклон, в эту пору года казавшийся сотканным из тончайшего мягкого сукна. Другие, спускались по спирали, третьи чертили в небе разноцветные зигзаги. И каждый росчерк был неповторим! Завораживающее зрелище живо напомнило мне еженедельные фейерверки после пышных приемов и балов, которые давала императорская семья в летнем дворце Орсики. Тогда я восхищалась их огнями, стремившимися повторить, а то и затмить знаменитые пляски искр в небе пустошей. Но теперь, глядя на настоящий звездопад, я понимала, что никакие королевские фейерверки никогда не смогут повторить первобытной красоты этого явления.

Я совсем недавно вернулась сюда, в южную часть Великих Пустошей, к месту своего рождения с твердым намерением поселиться здесь навсегда. И впервые в жизни застала сезон звездопадов. Когда я жила здесь еще совсем девчонкой, мать никогда не позволяла смотреть на пляски искр, мотивируя это недовольством духов, застигнутых во время любовных игр. Как чистокровная эльфка, да еще и бывшая жрица, моя родительница искренне верила в эту чушь. А вместе с ней, верила и я. Вслушиваясь в негромкий голос матери, я представляла себя одним из этих прекрасных, невесомых созданий, танцующих высоко в ночном небе. Бесконечно свободных, сильных и счастливых.

К сожалению, жизненная круговерть увела меня далеко от места рождения, прежде, чем я вошла в тот возраст, когда могла бы открыто неповиноваться матери. С тех самых пор о звездопадах оставалось лишь мечтать. Потому сейчас, вернувшись домой, пропустить такую красоту мимо внимания было бы кощунством. Так что я на несколько дней оставила уют хижины у реки Цветинки (или *Saia*, как называла ее мать) и отправилась на охоту в северные перелески с тем расчетом, чтобы провести пару ночей под открытым небом.

Огонек, мой дух-спутник, поддержал идею. В конце концов, именно он все время рассказывал мне про пустоши — земли тысячи ручьев, их скалистые выступы, шелковые волны ковыля, густые перелески и конечно же звездопады. По его мнению, я не могла бы родиться в месте, более соответствующем моему характеру. Покой, царящий в этих краях, был лишь иллюзией, скрывавшей дикий, свободолюбивых и необузданный нрав древних земель. Когда-то Великие Пустоши являлись частью леса Селувим, последней обители эльфов в безнадежном сражении с человеческой экспансией. Но после грандиозного сражения около пятисот лет назад, этот край превратился в пустыню. От прекрасных особняков и храмов, окруженных вековым лесом, остались лишь выгоревшие степи, покрытые древними руинами. До сих пор археологи то и дело отправляют экспедиции на поиски затерянных эльфских городов и храмов, сокрытых где-то под толщей тысячелетних грунтов.

Не скажу, что мне был чужд их интерес. Начитавшись книг по древнейшей истории, я и сама долгое время грезилась о великих тайнах, ожидающих в полуразрушенных храмах пяти богов. Некоторые из них даже удалось отыскать. Правда, по большей части они почти по макушку были погружены в землю и найти вход хотя бы в один из них, мне так и не удалось. Да и Огонек не одобрял все этой археологической деятельности, так что вскоре мы оставили попытки отыскать входы и занялись более насущными делами. А именно — обустройством

хижины и заготовкой припасов на зиму.

Каким-то непостижимым образом, оказавшись под открытым небом пустошей, после долгих лет, проведенных в человеческих королевствах, я наконец почувствовала себя дома. На многие мили вокруг раскинулись ничейные земли. Здесь не было людей, лишь одинокие патрули иногда встречались на окраинах и около тракта. Эльфы избегали этих территорий по религиозным соображениям. Ну а представители других рас не жили так далеко на севере. Только угодив сюда я смогла почувствовать себя свободной. И это чувство было так притягательно, что после небольшого совещания с Огоньком, было принято решение остаться.

И вот, уже второй вечер подряд я лежала на мягкой степной траве и наблюдала за небесной феерией из-под тонкого шерстяного одеяла. Рядом, согревая мне спину, посапывал Огонек, принявший для удобства форму огромной хищной кошки. По гладкой шерсти то и дело пробегали разноцветные искры, будто повторяя фантазмагорию, творившуюся в небесах. Электричество приятно щекотало кожу.

На душе впервые за много лет было спокойно. Прошное, так долго не дававшее покоя, казалось, отступило. Куда-то пропали из памяти страшные события, исчезли боль и унижения. Видимо, именно так древние бессмертные эльфы, некогда жившие в этих краях, боролись с хандрой — неминуемой спутницей долгожителей. Стоило хоть мельком взглянуть на разноцветные росчерки в небе, и прожитых лет будто и не бывало. Удобно!

Я умиротворенно улыбнулась полыхающим огням небесам и устало закрыла глаза. Мысленная речь Огонька настигла меня, когда я уже была готова заснуть.

— Сладких снов, крылышко.

— Сладких снов, — бесшумно отозвалась я, понимая, что духу спать, собственно, незачем. Он не знает усталости. И все равно через пару минут встретит меня там, за гранью, в Гипносе, мире снов и духов. Как обычно, будет охранять меня в моих бесконечно захватывающих блужданиях по его просторам. Словно в ответ на мои мысли, в голове прозвучал его мягкий смешок.

— Спи уже, завтра рано разбужу, надо хотя бы зайцев наловить, пока домой не собрались.

— Угу, — покорно согласилась я и разноцветный водоворот, в который раз увлек меня в загадочный мир снов.

Надо сказать, Гипнос любил меня. По крайней мере, я предпочитала спать при любой возможности, ведь он всегда показывал мне такие прекрасные места. Ни разу мне не приснилось ни одного кошмара, несмотря на ужасные события, которые нам с Огоньком пришлось пережить за сравнительно недолгую жизнь. Картины тех событий по-прежнему отчетливо вставали перед глазами, стоило лишь о них подумать. Порой, хотелось бы забыть, но разум упрямо отказывал. И я помнила...

Застывшая, словно в янтаре, картина: окровавленное тело матери на осенней, раскисшей от грязи дороге. Ее прекрасные зеленые, словно весенний мох, глаза, широко раскрыты, в них отражается тяжелое, набухшее дождем небо, а я хватаюсь маленькими непослушными ручками за толстое древко стрелы, застрявшей в горле. Фигуры страшных, черных от грязи всадников, расплываются в глазах, превращаясь в неясные силуэты. А в голове все крутится один и тот же вопрос: «Мама, почему мне так трудно дышать?» Затем, мир гаснет, закрывает все темным, неясным пятном. И вот уже Гипнос принимает меня в свои объятия. Мимо проносятся прекрасные, невероятные, нереальные места и я оказываюсь

на лужайке нашей хижины. Мать возится у очага. Я слышу, как она напевает одну из древних эльфских песен, текста которых я все никак не могу вспомнить. Я бегу к ней со всех ног.

— Мама, ты знаешь я видела сон?! Там была осень... и грязь и люди... и было страшно...

Она лишь безмятежно улыбается мне в ответ.

— Не бойся, детка, страшно больше не будет никогда.

— Но мам, так не бывает! Есть много страшного... — с детской непосредственностью возмущаюсь я.

А мать смотрит на меня как-то грустно. Словно я обидела ее чем-то.

— Ты права, малышка... Страшного много. — теплый голос пришел будто из ниоткуда. Но затем я увидела юношу. Он стоит на пороге хижины и ласково улыбается, протягивая мне руку. Казалось, он выткан из света, такого яркого, что мне пришлось сощурить глаза, чтобы смотреть на него. — Пойдем, нам пора.

— Куда? Мама здесь, я без нее не пойду. — хмурюсь я.

В ответ он лишь качает головой, а я оборачиваюсь и... Матери нигде нет. Казалось, она растаяла в воздухе. Я решительно подхожу к незнакомцу, беру его руку и тащу наружу.

— Ты отведешь меня к маме? Ты такой светлый, как огонек...

И он повел. Только не к мертвой матери, а назад, в маленькое, ослабевшее от раны тело, в кибитке под синим шелковым навесом. В теплые, умелые руки моей будущей хозяйки.

После этого я еще много лет навещала мать в маленькой хижине там, в Гипносе. И мир духов всегда услужливо хранил этот мой сон, показывая его по первому требованию. Возможно, поэтому, мне удалось относительно легко пережить ее смерть. Ведь я продолжала видеться с ее отражением.

Но сегодня я отправилась не к ней. В такую ночь душа требовала чего-то необычного, яркого, пленительного. И духи, как всегда, слышали мои желания. Разноцветный вихрь развеялся, и я оказалась... на празднике. Вокруг толпились люди, эльфы, гномы, еще какие-то существа, своим видом напоминающие деревья, было даже парочку кентавров, а может и дриад. Честно говоря, я не очень-то разбиралась в классификации вымерших народов. В любом случае, любое из этих существ было духом, хотя запросто могло оказаться сновидцем, а возможно и просто обычным спящим человеком, видящем тот же сон.

То и дело в толпе мелькали пестрые одежды из перьев и сверкающих самоцветов. Я оглядела себя. Во сне никогда не знаешь, как будешь выглядеть. На мне оказался невероятно пестрый костюм из каких-то нелепых бусин разного размера и цвета. Пришлось спешно сосредоточиться и соорудить себе что-нибудь поприличнее. Ужасные бусины подернулись рябью, расплылись, и вскоре сменились моим привычным костюмом — брюками шароварчиками, широким тисненым поясом и заправленной в него узорной шелковой рубашкой. Только на этот раз я выбрала ткани побогаче, да на бедрах пристроила пояс из звенящих при ходьбе самоцветов и монеток, чтобы соответствовать обстановке. Хорошо все же быть сновидицей! Обычному человеку не под силу менять свои сны. И если снится тебе, что ты, например, крыса, то крысой сон досматривать и придется, если, конечно, кто-нибудь не разбудит тебя в мире живых.

Я медленно пробиралась сквозь толпу, стараясь никого не задеть. Позади ослепительно ярким пятном шел Огонек в своем привычном облики красивого юноши-полукровки. Он держался на расстоянии, чтобы не мешать мне смотреть сновидение, лишь изредка отталкивая в сторону какого-нибудь нахального духа, желавшего познакомиться поближе. Я

благодарно ему кивала и медленно продвигалась дальше сквозь разношерстную толпу.

На улицах и перекрестках незнакомого города выступали артисты всех мастей. Площади были заняты всевозможными циркачами — от воздушных акробатов, до кривляющихся на разный лад клоунов. На более узких улочках всюду старались музыканты и певцы. Каждый мог бы найти здесь мелодию по вкусу. Для моего же слуха весь этот шум сливался в единую восхитительную какофонию праздника. Странно, но сегодня я, вопреки давней привычке, совсем не обращала внимания на городскую архитектуру. Возможно, поэтому здания выглядели расплывчато, будто создавая фон для творящегося вокруг действия.

Я все шла и шла, чувствуя, как сердце заполняется каким-то беспшабашным весельем, подстраиваясь под общее настроение. Так, незаметно, я добралась до набережной. Незнакомая река медленно гнала свои воды через празднующий город и дальше, в вечно меняющиеся просторы Гипноса. Возможно, она тоже была духом, пожелавшим сегодня стать рекой для меня... А может еще для кого-то еще, кто тоже хотел увидеть во сне веселый праздник или прекрасную сияющую огнями набережную.

Солнце уже клонилось к закату и по всему городу начали зажигаться фонари. Здесь, прямо на перекрестке, было огорожено небольшое пространство, похожее на цирковую арену. По периметру круга сидели мужчины с барабанами, около каждого горел факел, а в центре танцевало несколько женщин. Я замерла. Первобытный, упрямый ритм заставил мое сердце биться чаще. Мелодия напоминала духовные танцы эльфов, но была глубже, энергичнее, атмосфернее. Женщины в круге двигались, повинувшись удивительному ритму. Они, то плавно перетекали из одной позы в другую, словно горный ручей, то бились в яростном танце, словно пламя пожара. Мне казалось, что я стояла там целую вечность, впитывая их движения, сливаясь воедино с божественным ритмом. Я, кажется, даже перестала дышать. Еще немного, и я окончательно растворилась бы в этом удивительном сне.

Но танец окончился, а вместе с ним исчезла созданная им сказка. Я глубоко вдохнула и вдруг, повинувшись какому-то неведомому порыву, шагнула в круг, откуда недавно удалились танцовщицы. Мягкие сапожки были сброшены вместе со стеснявшей движения жилеткой. На мне осталась лишь тонкая рубашка, пояс да широкие брюки с повязанным вокруг бедер пояском из бусин и монеток.

Я хотела танцевать! Здесь и сейчас. Босые ноги погрузились в мягкий песок арены. Сотни любопытных глаз устремились в мою сторону. Главный барабанщик широко ухмыльнулся и поудобнее устроился рядом со своим инструментом. Зазвучал ритм. Сначала тихое перестукивание джембе, затем основной ритм — тайко. За ними запела флейта окарина. А я... я уже полностью перестала воспринимать происходящее, погрузившись в чарующий водоворот ритма и движений.

Моя мать, эльфка, еще крошкой учила меня духовным танцам народа. Уже к семи годам, я превзошла ее. Шаиры, вырастившие меня, тоже высоко ценили это искусство. С тринадцати лет я танцевала на всех ярмарках и фестивалях, внося свою лепту в финансовое благосостояние каравана. Думаю, именно танец привлёк ко мне внимание герцога Эр'Засского. Меня продали ему в качестве танцовщицы. Жаль только, ни одного из моих танцев он так и не удосужился посмотреть. Но то было в прошлом, а сейчас я танцевала... Танцевала как в первый раз... и как в последний. Танцевала, сливаясь воедино со всеми духами, окружавшими меня. И единственным моим желанием было продлить этот танец в вечность. Никогда, никогда больше не останавливаться!

Я ощущала на себе тысячи взглядов. Казалось, сам Гипнос смотрит на меня, улыбаясь.

Вокруг вздымалась волна энергии, порожденной восторженными зрителями. Невидимые нити вращались вокруг меня в своем, ни на что не похожем, танце. Сердце стучало в унисон с барабанами. В это мгновение я была всемогущей, свободной, я была венцом творения, богиней управляющей окружающим миром.

Но, как и все на свете, танец подходил к концу. Умолкла флейта, за ней барабаны. Замерли движения. Лишь сердце продолжало выстукивать свой бешеный ритм. Я поклонилась и в наступившей вдруг гробовой тишине, направилась к ожидавшему меня Огоньку. Но дойти до выхода с арены я не успела. Бурная овация прервала затянувшуюся паузу. Я широко улыбнулась и почувствовала, как ноги снова несут меня в центр арены. Магия этого места была такова, что я готова была танцевать здесь до скончания времен.

Возможно, так и случилось бы, не будь рядом моего духа. Он нежно, но настойчиво взял меня за предплечье и потащил прочь от арены и окруживших ее сотен зрителей. Я собиралась возразить, возможно, даже вырваться, но в этот самый миг позади вспыхнуло синее пламя. Затем еще и еще, странный огонь приближался, пока я наконец не рассмотрела огромного сапфирово-синего дракона, отливающего красным в свете городских фонарей.

Огромный, величественный зверь синей стрелой носился над городом. Из зубастой пасти вырывались шары голубоватого пламени. Каждый из них создавал взрыв в месте своего приземления. Несколько ударов раздались за рекой, и в воду с противоположного берега посыпалась пестрая толпа. На улицах начиналась паника.

Перепуганные духи разбегались кто куда, музыка как-то сама собой затихла. И тогда я услышала драконий рев. Похожий на громовые раскаты рык разнесся по городу погребальной песней. И вот уже весь центр и набережная пылают призрачным синим пламенем. Дома, улицы, бегущие духи, словно воск плавятся под его натиском.

Огонек тащил меня за собой по лабиринтам улочек, пока не затронутых бедствием. Пока мы не оказались в тупике. Он в отчаянии схватил меня за плечи.

— Йена, ты должна проснуться. Сейчас же! — в его голосе слышалась паника. Это было так непохоже на спокойного, порой даже отрешенного Огонька.

Я коротко кивнула, сосредоточилась и... осталась стоять на месте. Впервые в жизни у меня не получилось проснуться по желанию. Я слышала, что такое случалось с некоторыми слабыми сновидцами, но со мной ни разу! Я ведь была сильной!

— Я не могу, — наконец, выдавила я из себя, — Огонек, что-то меня держит.

— Этот проклятый дракон, — от волнения он сорвался на крик, — его не должно здесь быть! Я не могу тебя вытащить!

— Уходи сам!

— Нет!

— Огонек! — рассердилась я. — Уходи и разбуди меня там, снаружи! Это должно сработать, скорее!

Он недовольно нахмурился, но кивнул и исчез. Синее пламя уже перекинулось на соседнее здание. Я чувствовала ненормальный жар, исходящий от него. Но что могло мне угрожать? Сновидец, погибший в Гипносе, просто проснется в физическом мире. С чего тогда Огонек так всполошился...

Очередная вспышка озарила улицу позади. Сплошная стена огня теперь отрезала выход из тупика. Пламя подступало все ближе. Один из длинных пылающих языков больно лизнул руку, оставив ужасный ярко-алый рубец. Я зашипела от боли и отскочила в самый дальний угол тупика. Плечо саднило. Я сжалась в комочек в углу, закрыла голову руками, и уже было

приготовилась умирать, когда что-то холодное и мокрое резко хлынуло мне на голову. От неожиданности я открыла глаза...

И очутилась... в ручье. Ледяная вода обожгла кожу не хуже огня. От неожиданности я глубоко вдохнула и молнией вылетела на берег. Там сидел запыхавшийся, недовольный Огонек. Судя по его помятому виду, ему пришлось тащить меня на себе метров сто, если не больше. Он все же был не так уж силен в образе паренька-полукровки.

Он встревожено заглянул мне в глаза.

— Ты никак не хотела просыпаться! — от переживаний он даже забыл пользоваться мысленной речью. — Пришлось пойти на крайние меры. Ты как?

— Ужасно, — ответила я честно, — У меня уже зуб на зуб не попадает. И вообще подобные водные процедуры на рассвете — не в моем вкусе!

Мысленная речь не позволяла шутить так же живо, как обычная. Интонации и ударения были ей недоступны. Но, за годы вынужденных тренировок мне удалось добиться некоторых успехов в этом нелегком деле. По крайней мере, Огонек все чаще смеялся над моими шутками. Хотя, быть может, он просто постепенно лучше адаптировался к физическому миру. И все же, жаль, что после ранения в детстве, я полностью утратила способность хоть как-то доступно изъясняться с помощью звуков.

Огонек улыбнулся. Но взгляд его остался встревоженным.

— Хвала Предкам, что этот огонь тебя не обжег! Не знаю, что это было, но духи, попавшие в него, просто исчезали. Не возвращались к Гипносу, как должно, а просто переставали существовать. Я испугался. Если бы ты...

— На самом деле, огонь меня все-таки достал, — И я показала ему свое многострадальное плечо.

Огонек внимательно всмотрелся в пылающий алый рубец. Затем осторожно к нему прикоснулся и тут же отдернул руку.

— Этот ожог... Это метка. Он привязывает тебя к месту в Гипносе, где был получен. — наконец заявил он.

От удивления мои брови взлетели вверх.

— То есть, если я усну, то снова попаду в этот город?

— Похоже на то, — неуверенно протянул он. — Но, думаю, в Гипнос тебе пока что лучше не ходить. Хотя бы до той поры, пока не исчезнет ожог. Я буду сторожить, чтобы ты случайно туда не свалилась. Неизвестно, сколько еще там будет бушевать пламя. Не хочу тебя терять...

— Все хорошо, Огонек. — я улыбнулась и взяла его за руку, — Ты как обычно меня спас. Хоть и немного неожиданным образом! И продолжаешь спасать! Но иначе и быть не может. Хорошо, что хоть не как в прошлый раз. Я до сих пор нахожу у себя перья в самых неожиданных местах, после того курятника...

Огонек рассмеялся, снял замшевую куртку и накинул мне на плечи.

— Между прочим, идея замаскироваться тогда была твоя..., — подмигнул он мне.

— Да, только я имела в виду какие-нибудь кустики, а не курятник шайрского каравана...

Пока я отогревалась, сушила вещи и завтракала оставшейся после ужина жесткой и

невкусной строганиной, Огонек успел наловить несколько зайцев и теперь увлеченно свеживал их возле ручья, куда мы перебрались, чтобы отстирать испачканную утром одежду. Он вообще был мастером по части разделывания туш, снятия шкуры, потрошения. Эта черта настолько не сочеталась с его дружелюбным и добрым характером, что поначалу заставляла настораживаться каждый раз, когда в его глазах появлялся этот нездоровый блеск при виде любого лезвия. Однако, со временем я привыкла, а позже и оценила по заслугам его таланты. Особенно это пригодилось при переезде в пустоши, где нам постоянно приходилось охотиться. Да и в сражении он мог за себя постоять. А порой и не только за себя... Да и вообще, его мастерство по части владения ножами и кинжалами, вызывало восхищение. Несколько раз он пытался научить меня элементарным приемам, но руки у меня, как оказалось, росли не из того места. В общем, дружбы с клинками у меня не сложилось.

Зато, я отлично владела коротким копьем яри. Шаиры, у которых мне довелось прожить почти десять лет, признавали всего два вида оружия — короткое копье для женщин и огромный искривленный ятаган для мужчин. Поэтому, наравне с остальными девочками каравана, меня учили владению женским оружием. Не скажу, что я была лучшей среди учениц, но легко могла справиться с несколькими не очень умелыми противниками.

Окончив свое кровавое дело, Огонек растянул снятые шкурки на сооруженных на скорую руку рамках, аккуратно нарезал мясо, присолил его и уложил в кожаный мешок. Пора было собираться домой. Нам предстояло два дня пути домой между крутыми лесистыми холмами до южного края озера Лаилле. Но, когда я отправилась в ближайшую лошадку за стреноженными лошадьми, там меня ждал неприятный сюрприз!

Возле наших животных стояло пятеро эльфов, судя по всему, охотников из леса Селувим. На их руках красовались разноцветные клановые татуировки.

Проклятье! Вот только их мне сейчас не хватало!

Я осторожно сделала шаг назад, и... какая-то мелкая веточка-предательница противно хрустнула под ногой.

Эльфы насторожились. Один из остроухих сразу заметил меня за редким кустарником. По его сигналу, остальные мгновенно схватились за оружие.

Прятаться смысла уже не было, так что я упрямо вскинула голову и, предвкушая очередные неприятности, направилась к незванным гостям. При виде одинокой безоружной девчонки, охотники расслабились. Четверо сразу спрятали оружие, пятый же отошел немного в сторону, продолжая держать лук наготове. Их осторожность была неудивительна, я сама видела следы большого конного отряда пару дней назад. Похоже, людям в очередной раз что-то понадобилось в этой местности. Скорее всего, то были работорговцы в поисках свежих эльфов для рабского рынка. Либо, что еще страшнее, разъезд Ордена Тишины. Довелось мне в жизни близко познакомиться и с теми, и с другими...

Я приложила руку к сердцу, а затем протянула вперед открытой ладонью вверх, в привычном приветствии народа. По правилам еще следовало произнести «*aine'naru*». Но, пришлось ограничиться жестами. Вперед вышел высокий темноволосый мужчина с заносчивым выражением на красивом, резко очерченном лице. Он осмотрел меня с таким отвращением, будто перед ним была не симпатичная девушка, а слизкий пещерный гоблин.

— *H'gash*, — презрительно бросил он и плюнул себе под ноги.

Я ожидала чего-то подобного. Полукровки вроде меня были не в чести ни у эльфского народа, ни среди людей. Это еще, мягко выражаясь! А если говорить, как есть — таких как я убивали сразу после рождения. А иногда уничтожали и матерей «залетевших» от

представителя другой расы. Мне посчастливилось выжить, получить духа заступника и попасть к шаирам, которые не были склонны к предубеждениям северных народов. Но больше нормального отношения я не встречала нигде. И эти эльфы не стали исключением.

Жестами я попыталась объяснить охотникам, что лошади мои, и я очень спешу. Какое-то время они молча наблюдали за моими движениями. Затем их лидер, тот самый, что считал себя, судя по напыщенности, каким-нибудь наследным принцем, подошел ко мне вплотную и одним резким движением опрокинул на землю. По выражению лиц я сразу угадала их намерения. Слишком часто на меня так смотрели! Для любого мужчины, будь то эльф или человек, или даже гном, женщина полукровка находится где-то на уровне домашней скотины. А значит, с ней можно делать все то, чего нельзя себе позволить с любой другой женщиной, даже с рабыней. Но *h'gash*, она ведь никто. С ней даже разговаривать брезгуют.

Всю жизнь, с тех пор, как мне исполнилось тринадцать, я видела в глазах мужчин лишь желание. Все они хотели меня, но то была какая-то животная, отвратительная похоть, не имевшая ничего общего с любовью, которую так воспевали менестрели. Не удивительно, что после более близкого общения с противоположным полом, я практически полностью перестала верить в то, что существуют какие-либо светлые виды отношений. И вот, все снова повторялось, лица эльфов, минуту назад казавшиеся мне невероятно красивыми, исказила отвратительная похотливая гримаса.

Четверо обидчиков столпились надо мной, но пятый, тот самый, который не выпустил из рук оружие, не двинулся с места. Он лишь смерил своих приятелей презрительным взглядом и отвернулся. Вот она — мужская солидарность! Действий их он не поддерживает, но и вмешиваться не собирается. Через секунду, я услышала, как треснула ткань блузки. Грубые мужские руки стиснули мою грудь с такой силой, что из глаз брызнули слезы. И это стало последней каплей.

Меня охватила ярость. Та самая, которую испытывает женщина, на чью честь покушались уже неоднократно. Возможно, эти мужчины и не заслуживали смерти, возможно, они стали жертвами предрассудков, как сотни и тысячи их соплеменников. Но терпеть унижения я была не намерена. Когда эльф впихнул коленку между моих ног, в попытке развести их в стороны, ажурные серебряные браслеты, надежно скрытые под рукавами широкой шелковой блузки, вспыхнули ясным белым светом, выпуская в мир духов. Воздух начал потрескивать от крохотных электрических разрядов. Запахло грозой. И, наконец, с моих пальцев, прижатых к земле крепкими мужскими руками сорвалась толстая разветвленная молния, поразив моего несостоявшегося насильника и троих его приятелей, за спиной. Эльфы рухнули, как подкошенные. В воздухе запахло озоном и горелой плотью. Освобожденные от пут лошади, перепуганные магическим всплеском, с диким ржанием унеслись прочь.

Через мгновение я уже была на ногах. Роняя злые слезы, дрожащими от напряжения пальцами, я спешно завязывала на груди разорванную блузку. От этого занятия меня отвлек характерный скрип тетивы. Я обернулась. Прямо перед глазами маячило острие направленной прямо в лицо стрелы. Пятый охотник оказался цел и невредим. Да и, честно говоря, я позабыла о его существовании. На момент удара он стоял поодаль, так что его просто отбросило в сторону и лишь слегка опалило волосы.

Я замерла от ужаса. Защитить себя я уже не успевала, на подготовку новой молнии требовалось время. Но хвала предкам, эльф, похоже, не спешил стрелять. В его взгляде читалось понимание, щедро сдобренное страхом и гневом. В примирительном жесте я

опустила руки. Охотник едва заметно кивнул, и уже хотел было опустить лук, когда с диким ревом на него из кустов выскочил огромный снежно-белый барс и одним движением разорвал ему горло.

При виде фонтана крови я беззвучно охнула, согнулась пополам, и меня вырвало прямо на землю рядом с обугленными трупами. Барс кинулся ко мне, попутно принимая человеческий облик. А я все смотрела на дела рук своих и из глаз катились непрошенные слезы. Ведь могла же я их просто отпугнуть. Зачем... для чего нужно было их убивать? Может быть я действительно то самое чудовище, которым меня называют?! Куда бы я не пошла, за мной тянулась кровавая дорожка...

— Тссс, крылышко, успокойся... — Огонек нежно обнял меня и повел прочь. — Никакое ты не чудовище! Я бы не стал л... защищать тебя, будь ты такой ужасной, как тебе кажется. По крайней мере, я ни разу не видел, чтобы ты нападала на кого-то первой.

Я слабо улыбнулась сквозь радугу слез. Огонек прочел мои мысли. Обычно, я скрывала их, но сейчас потеряла контроль и вот — он снова все обо мне знает, но, что самое главное, не осуждает. Не скажу, что поверила его словам, однако на душе немного полегчало.

— А теперь, соберись пожалуйста. — продолжил он уже более твердым тоном, — Нам нужно срочно уходить! Я провел небольшую разведку, в нескольких часах езды от нас большой вооруженный отряд. Кто такие, я так и не понял, но, если это тихони, нам лучше оказаться как можно дальше отсюда. Они могли засечь магический всплеск.

Неприятная новость мгновенно привела меня в чувство. Об убитых эльфах можно было погоревать позже, в безопасности. Орден Тишины искал меня уже не первый год, и я не могла даже представить свою участь, если бы нашел. Хотя нет, представить я конечно же могла. Меня ожидали суд и прилюдная казнь через сожжение или еще какая-нибудь пакость. Тихони были горазды выдумывать всевозможные экзекуции. Хлебом их не корми — дай кого-нибудь угробить, причем желательно как можно больнее. Ну, а я в их глазах представляла собой кошмар во плоти — мало того, что я богомерзкая полукровка, так еще и неучтенная сновидица, убийца герцога Эр'Засского, одного из тайных членов их ордена. Одним словом — чудище! Когда я спешно покидала Орслен, столицу Орсики, за мной отправили лишь небольшой отряд (который, к слову, протянул лишь неделю, прежде чем бесславно пропасть на зеленых болотах). И только позже я узнала, что за мою голову назначена приличная награда. А это значит, что охотиться за моей несчастной жизнью будут все, кому не лень. Так что у нас были причины сторониться не только Орденских разъездов, но и любых других отрядов. Так, на всякий случай.

Огонек сразу кинулся засыпать землей все еще тлеющий костер. А я принялась укладывать наши нехитрые пожитки. Лошади разбежались, а значит, мы лишились основного средства для хранения вещей — вместительных седельных сумок. Как впихнуть все вещи в небольшие дорожные рюкзаки, я понятия не имела. Хорошо, если удастся взять с собой самое необходимое — еду, одеяла и теплую одежду. Ну, а такую роскошь, как зеркало, расческа и другие средства личной гигиены придется оставить. Несколько дней можно протянуть и без них. Опять вернусь в хижину страшная, как кикимора. Эх! Ну что за жизнь такая! Нигде мне нет покоя!

К тому времени, как Огонек полностью замаскировал костер, я успела упаковать оба рюкзака. Осталось впихнуть одно последнее одеяло, но места для него не осталось совсем. Проклиная все на свете, я в который раз полезла перебирать содержимое своей сумки. Нужно было оставить что-то еще. Мой спутник тем временем собрал наши дорожные фляги и

отправился к ручью. Я же продолжала войну с вещами. Наконец, ненужная шпукovina все-таки обнаружилась. Из недр рюкзака я извлекла большую деревянную шкатулку. На ее место тут же было уложено одеяло, рюкзак затянут и готов к отправлению.

Я с сожалением провела рукой по резному дереву. Эта шкатулка была со мной долгие десять лет. С тех пор, как Огонек вырезал мне ее на день рождения. Расставаться с ней ужасно не хотелось. Я аккуратно открыла крышку. В зеркале на обратной стороне отразилась моя потрепанная физиономия. Веки припухли, внизу залегли тени, делая бирюзовый оттенок зрачков еще ярче. Губы искусаны, на щеке свежая ссадина, которая судя по виду, скоро станет кошмарным синяком, медного оттенка волосы торчат во все стороны. В общем, зрелище не для слабонервных. Я принялась спешно собирать растрепавшиеся пряди. После нескольких минут усилий мне удалось заплести непослушную копну в подобие косички. Но заканчивая этот нехитрый туалет, я вдруг заметила в зеркале какое-то движение. Это не мог быть Огонек, он ушел в противоположную сторону. Значит — чужой!

Рука медленно потянулась к стоящему в сторонке копыю. Через пару секунд я уже вскочила на ноги с оружием наперевес, развернувшись лицом к предполагаемой цели. От края опушки навстречу мне двигался человек. Черная мешковатая одежда почти полностью закрывала фигуру, но лицо... вместо него на незнакомце была белая маска без прорезей для глаз, рта или носа. Просто сплошное белое лицо. И движения его были какими-то... несуразными. То слишком плавными... то наоборот — резкими и прерывистыми... По спине пробежал холодок. Не скажу, что я храбрая, но в большинстве случаев испугать меня довольно сложно. Наставница говорила, что это из-за моей заторможенности, и в целом я была с ней согласна. Но этот человек... Было в нем что-то противоестественное. Я не чувствовала в нем жизни. Он был... будто пустая оболочка. И этот ужас неумолимо приближался!

Я угрожающе вскинула копьё и жестами указала безликому остановиться. Он на мгновение замедлился, но потом рванул ко мне с еще большей скоростью. Похоже, общаться он был не намерен. Резким движением я крутанула копьё, сфокусировав на него энергию с браслетов. С острия сорвалась молния и, с треском прорезав воздух, впилась незнакомцу в грудь. Он осел на землю невнятной кучкой дымящегося тряпья и перестал двигаться.

Я облегченно выдохнула, но не успела опустить оружие, как со всех концов поляны из-за кустов показалось еще около десяти таких же точно людей в масках. Они отличались лишь ростом, определить их пол и возраст не представлялось возможным. Думать, кто они такие и чего хотят, было некогда. Тем более, в руках некоторых из них стали появляться шары странной, абсолютно черной энергии. Я машинально поставила силовой щит, в надежде, что он сможет задержать эти неизвестные мне заклинания. Через минуту пара черных шаров с шипением врезались в мою сферу и исчезли. Но и щит сильно пострадал. Навряд ли, он мог бы выдержать еще больше двух таких попаданий. Нужно было действовать, в конце концов, лучшая защита — это нападение.

Закрутившись в быстром, неистовом танце, я стала собирать духовную энергию вокруг себя, формируя ее в один огромный, сияющий вихрь. Браслеты на запястьях гудели от напряжения, а магия звучала приятно и гармонично. Как только силы накопились достаточно для заклинания, я сфокусировала ее на острое копьё и с силой ударила древком о землю. В тот же миг с кончика лезвия вверх сорвалась молния, а по земле пробежала ударная волна. Мои противники один за другим посыпались на землю, и тут их сверху накрыло бурей. Черная воронка неистово вращалась, накрывая собой всю поляну. Вертикальные

молнии били во все, что двигалось, ветер сбивал с ног. Это было одно из сильнейших моих заклинаний, обычно после него оставались лишь несколько кучек пепла на траве, да сильнейшая головная боль у меня до конца дня. Я устало грохнулась на колени, тяжело опершись на древко копья. Стихия будет бушевать еще минут десять, так что у меня появилось немного времени на передышку.

По спине все еще бежали мурашки. Пугал не столько зловещий внешний вид этих людей, сколько отсутствие в них жизни и это неестественное ощущение пустоты.

— Йена, что случилось? — мысленный голос Огонька ворвался в мою голову так неожиданно, что я не смогла удержаться за древко и позорно растянулась на влажной траве.

— Что-то странное, — мой ответ с трудом пробивался сквозь помехи от молний. — Какие-то люди... в белых масках... напали. Без разговоров, без предупреждения. А еще они очень страшные, Огонек. Я таких раньше не видела.

— Я сейчас приду! — сразу всполошился мой друг.

— Нет! У меня тут сейчас буря в самом разгаре. Тебе сюда нельзя. — уперлась я. — Лучше аккуратно обойди поляну по периметру. Вдруг, я не всех успела накрыть.

— Ладно уж... — пробурчал он в ответ и умолк.

Кряхтя, я привстала и уселась на подогнутые колени. В центре бури было спокойно, над головой даже было видно голубое утреннее небо. Какой невероятный контраст оно создавало с иссиня-черными грозowymi тучами! Я невольно залюбовалась и поначалу не заметила странного движения на поляне, под покровом хлещущего из тучи дождя. А когда заметила, было уже слишком поздно. Жуткие, опаленные молниями тени, подергиваясь выползали из-под черного покрова туч. Белые маски некоторых из них были расколоты, но продолжали держаться на лицах. От ужаса у меня волосы на затылке встали дыбом. Я судорожно вдохнула и попыталась подняться, опершись на копьё, но тут же получила тяжелый удар по голове и упала в мокрую траву.

Уже угасающим сознанием я дотянулась до разума Огонька.

— Не приближайся к ним! Вытащишь меня, когда будет безопасно...

Ответа я не дождалась. Сознание отключилось, и меня приняла в свои объятия абсолютная тьма.

Пробуждение было чудовищным. Все тело ломило, голова болела так, что малейшее движение вызывало ощущения похожие на агонию. Вдобавок ко всему, все вокруг было сырое и холодное. Одежда вымокла до нитки, липкие волосы закрывали лицо и противно лезли в рот. Повозку, а находилась я именно в ней, нещадно трясло. Так что каждая кочка отзывалась в голове дикой болью.

Лежать дальше было невыносимо и я попыталась встать. Поначалу не очень-то получилось. Промерзшие конечности отказывались слушаться. Наконец, мне кое-как удалось принять вертикальное положение и осмотреться. Лишь тогда я с удивлением заметила, что нахожусь в повозке не одна.

На другом конце грязных, влажных досок, облокотившись на железные прутья, дремал эльф. Судя по помятому виду, поймали его совсем недавно. На виске моего соседа красовался свежий порез, разбитая нижняя губа распухла, а на светлых волосах отчетливо виднелись

кровавые пятна. Будто почувствовав мой взгляд, мужчина пошевелился, поморщился от боли и открыл глаза.

Невольно я залюбовалась гордым профилем, точеными бровями, твердой линией рта. Было в нем что-то хищное, своевольное. Хотя, надо заметить, что по эльфским критериям назвать его красавцем не получилось бы. Да и люди, полагаю, в восторг не пришли бы. Что уж тут поделывать, мои понятия о красоте редко совпадали с общепринятыми. Наверное, потому, что решающую роль в их формировании принимали духи, с которыми я всегда проводила больше времени, чем с живыми.

Заглядевшись на красивое, резко очерченное лицо эльфа, я не сразу заметила его взгляд, с интересом устремленный в мою сторону. Как оказалось, за последнюю пару минут я успела стать таким же предметом подробного изучения с его стороны. Только на моих губах играла улыбка, его же скривились от отвращения. Не скажу, что меня это сильно удивило. Вполне обычная реакция на мою внешность, чего уж там. Так что переживать по поводу еще одного эльфа, которого от меня воротит, я не стала.

— *H'gash*, — презрительно прошипел мой спутник и демонстративно отвернулся.

Сокрушенно покачав головой, я устало прислонилась спиной к решеткам. Огонька рядом я не чувствовала. Он либо держался на приличном расстоянии, либо с ним что-то случилось. О втором варианте думать не хотелось, так что я с усилием отогнала от себя эти мысли. Нужно было разузнать, где я оказалась и что за твари эти безликие, которых даже молния не берет. От сокамерника моего было мало толку. Он ясно дал понять, что общаться не намерен.

Тогда я решила оглядеться вокруг. Сквозь частую решетку и огромные дыры в плотной черной парусине, которой была накрыта повозка, мне удалось разглядеть нескольких всадников в белых масках и еще три таких же кибитки, как наша, плотно набитые всевозможным народом. На расстоянии вытянутой руки слева от нас катилась еще одна повозка. В ней четверо пленников вроде меня, сгрудились кучкой, пытаясь согреться под ледяными порывами ветра. Я просунула руку сквозь решетку и приветственно помахала собратьям по несчастью. От этого невинного жеста, пленники прыснули во все стороны, как воробьи, буквально вжавшись в прутья на противоположной стороне решетки и с ужасом воззрившись на меня.

Наверное, на какую-нибудь виверну, смотрели бы с меньшим страхом и отвращением. Эх! Чего только не рассказывают люди и эльфы про таких, как я. Порой аж саму жуть берет! Последняя страшилка про полукровок, которую мне удалось услышать была, кажется, о том, как эти богомерзкие твари крадут и пожирают фермерских младенцев в полнолуние в угоду своим темным богам. Ну насколько больное надо иметь сознание, чтобы сочинять подобный бред!? Тем более, что почти все полукровки так или иначе погибают так и не выйдя из младенческого возраста.

Сначала я попробовала жестами пояснить, что меня не стоит бояться и вообще, я хорошая, белая и пушистая. Но от каждого моего движения они замирали в таком ужасе, что через некоторое время пришлось оставить бессмысленные попытки найти понимание. Со стороны моего красавчика сокамерника послышался ехидный смешок. Все это время он пристально наблюдал за происходящим, и мои неудачи на социальном фронте, похоже, его ужасно забавляли. Я сердито фыркнула и повернулась к нему спиной.

Между кибиток на невзрачных лошадках ехало несколько надсмотрщиков. На всех были маски, но ощущения безжизненности от них не исходило. Это были обычные люди, живые и

теплые. От одного даже разило перегаром так, что слышно было за несколько шагов. Я облегченно вздохнула. Значит, не все в отряде бездушные машины. Здесь есть и живые. А где живые, там и слабости... и желания... и ошибки. А значит, есть неплохой шанс сбежать! Куда бы нас всех не везли, сомневаюсь, что мне было с ними по пути.

Судя по местности и резкому похолоданию, дорога пошла в гору, а значит, мы ехали на восток. Туда, где обрамляя пустоши, тянулся высокий кряж Драконьего хребта. Хотя, такими темпами, все пленники рисковали вымерзнуть под чистую на первом же перевале. Уже сейчас ледяной горный ветер пробирал до костей.

Мокрая одежда противно холодила кожу. Браслеты с меня сняли, как и кожаный пояс. Я вообще осталась в разорванной на груди и завязанной узлом рубаше и широких шерстяных брюках. Даже обуви не оставили, сволочи! Хорошо, хоть белье на месте. Я осторожно ощупала шелковую подкладку брюк. Потайные шпильки и браслет были на месте, а значит, были неплохие шансы на удачный побег. Правда, сейчас об этом думать было несколько преждевременно. Самым приоритетным сейчас было не загнуться от холода.

Я свернулась клубочком, стараясь сохранить хоть частичку тепла, завистливо поглядывая на своих невольных спутников, прижавшихся друг к другу. Им было теплее, чем мне. Хоть и ненамного. Через пару часов, я перестала чувствовать ноги, затем руки. Мозг тоже отказывался соображать. В голове вертелась одна мысль — хочу спать. И похоже, я все-таки заснула, потому что больше из этого странного дня ничего не запомнила.

Проснувшись я снова в трясущейся повозке. Но на этот раз дела обстояли намного лучше. После сна тело перестало болеть, да еще и кто-то заботливо увернул меня в теплое шерстяное одеяло. Так что, чувствовала я себя намного лучше. Смущало только одно — полная потеря чувства времени. Я попробовала рассуждать логически. Когда я заснула, солнце начинало садиться. А сейчас, оно приятно пригревало с юга. Значит, если учесть, что прошло не более суток, проспала я около пятнадцати часов. И это было отлично. Для побега мне понадобятся все имеющиеся силы. Оставалось только дожидаться моего друга.

Я мысленно потянулась к Огоньку. И снова меня встретила пустота. Ледяное чувство тревоги поселилось где-то в районе сердца. Но я не дала ему укрепиться, успокоив себя тем, что возможно, дух просто не может подойти достаточно близко для мысленного разговора. Обоз, в котором меня везли был довольно большим. Разведчики от него разъезжались на дальние расстояния. Вполне разумно, что он старался держаться подальше. Я глубоко вздохнула, чтобы успокоить расшалившиеся нервы и села на своем соломенном ложе, кутаясь в теплое одеяло.

Напротив, прислонившись спиной к железным прутьям решетки, сидел тот самый эльф. Его глаза были закрыты, и со стороны казалось, будто он спит. Вид у него был такой безмятежный, что я решила пока не тревожить его и принялась рассматривать местность, по которой мы проезжали.

Обоз бодро тянулся по каменистым холмам, поросшим редким кустарником. Дорога все время петляла вокруг крупных валунов все чаще встречающихся на пути. Кое-где виднелись остатки больших резных плит из желтого песчаника. Такие плиты остались только на двух древних эльфских трактах — Южном и Драконьем. До Южного отсюда было много миль, а Драконий вел напрямик через горы, в княжество Талония. Похоже, что цель нашего вынужденного путешествия находилась где-то там, за хребтом Драконьих гор, чьи белоснежные вершины уже отчетливо виднелись над линией горизонта. Да и ледяной ветер все чаще напоминал о приближающихся холодах.

Я с тоской подумала о том, что на Пустошах внизу сейчас все еще жаркое лето и поевшись, поплотнее завернулась в шерстяное одеяло, заботливо предоставленное кем-то. Надо заметить, что все пленники были укрыты такими же одеялами и со стороны напоминали большие серые коконы. Все, кроме моего сокамерника. Вспомнив о странном эльфе, я бросила на него осторожный взгляд и только сейчас заметила, насколько легко он одет. На нем были лишь тонкие леггинсы из оленьей кожи да темная бархатная туника, настолько грязная, что различить ее оригинальный цвет не представлялось возможным. Я почувствовала резкий укол совести. Похоже, что это он отдал мне одеяло, а сам сидел и мерз все это время. Мог же сесть рядом и укрыть нас обоих! Размер одеяла позволял.

Побрезговал! Ну точно, побрезговал, бездна его возьми! Проклятые остроухие! Носятся со своей гордостью, как... Впрочем, не важно! Пусть у него не хватает мозгов, чтобы переступить через предрассудки. Но я-то не дура! Просто не буду обращать внимания на его брезгливо скривившееся лицо. Делов то!

Со вздохом я встала и медленно переползла поближе к эльфу, цепляясь руками за ледяные прутья решетки. Повозку трясло так, что стоять на ногах не представлялось возможным. Мысленно содрогнувшись в предвкушении ледяного ветра, я быстро сняла одеяло, накрыла эльфа, затем уселась рядом с ним и укрылась сама. На всю эту операцию ушла какая-то пара секунд, но я успела насквозь продрогнуть. Как только он умудрился все утро сидеть в своей легкой тунике на таком ужасном ветру?!

Я посильнее прижалась к мужчине. Наощупь он был совсем холодным, а дыхание его едва различимым. Этого только не хватало! Вот радость то, вдруг оказаться в одной клетке с замерзшим насмерть болваном, из врожденной брезгливости, не пожелавшим разделить со мной одно одеяло. И совесть ведь жрать будет меня, а не его!

«Сволочь остроухая!» — выругалась я про себя и принялась растирать его уже начавшие синеть плечи.

Поначалу выходило из рук вон плохо. Эльф все никак не хотел теплеть, несмотря на все мои усилия. Я ужасно жалела, что со мной нет хотя бы одного из моих браслетов. Если магию не фокусировать через серебро, она ужасно слаба. Конечно, существовали легенды о людях способных творить заклятия без специальных вещей. Но, исходя из своего опыта, я мало им верила.

Но все же, зажечь свечу или костер без браслетов я могла. А значит, могла попробовать разогреть что-то небольшое, например, собственные ладони. В качестве эксперимента, я сосредоточилась на левой руке и попробовала перенаправить в нее духовную энергию. Через пару минут кожа начала теплеть, затем и вовсе жечь. Я немного сбавила температуру и продолжила растирать эльфа, только уже горячими руками.

Через полчаса активных действий, тело мужчины начало понемногу розоветь. С губ ушла неприятная синева, а дыхание стало более отчетливым. Я устало смахнула со лба пот. Надо сказать, от таких упражнений я и сама замечательно согрелась, и теперь было даже жарко. И все же, снять одеяло я не рискнула, памятуя о пронзительно ледяном горном ветре. Я поудобнее устроилась рядом с потеплевшим эльфом и устало прикрыла глаза.

— *Aine mie revenen, h'gasha! Tuor rienen!* — мягкий баритон прозвучал прямо у моего уха.

От неожиданности, я подскочила, как ужаленная. Оказалось, эльф проснулся и теперь сердито смотрел на меня, кутаясь в теплое одеяло. Я облегченно выдохнула. Хвала предкам! Очухался! И... мне наконец дошел смысл сказанного. «Отодвинься от меня, полукровка! Это

отвратительно!»).

Нет, ну вы видели?! Ему отвратительно?! Проклятый сноб! Все эльфы заносчивые самовлюбленные болваны, и этот, похоже, далеко от них не ушел.

Я вопросительно посмотрела на него, затем ткнула его пальцем в грудь, потрясла перед носом краешком одеяла и скрестила руки. Я просто обязана была узнать какая именно дурь заставила его замерзать, когда под рукой было теплое одеяло.

Эльф нахмурился еще сильнее, но всего на мгновение. Уже в следующий момент он ядовито ухмылялся.

— Видишь ли, плед нам дали один, но нас двое. А мне слишком противно лезть под одно одеяло с отвратительным чудовищем. Но, с другой стороны, не мог же я оставить леди без одеяла.

Его объяснение в купе с ехидной улыбкой меня дико взбесило. Противно ему! Выродок! Раз брезговал, взял бы одеяло себе, а мерзкая *h'gash* очень быстро превратилась бы в совсем не мерзкий труп. Но нет, он же джентльмен! А я, оказывается, сволочь эдакая, под одеяло к нему прыгнула, проигнорировав его чувства.

Я сердито засопела, затем показала ему кулак и покрутила пальцем у виска в общепринятом жесте, понятном представителю любой расы. Эх, будь со мной Огонек, я бы попросила его дать мне ненадолго голос, чтобы сказать этой сволочи все, что я думаю о нем и его брезгливости.

Мне часто приходилось пользоваться голосом духа, когда мы жили в герцогском замке в Орслене. Для меня это был единственный способ разговаривать с людьми так, чтобы не вызвать подозрений. Но Огонек был далеко, а вместо него рядом сидел лишь этот нахальный тип со своей отвратительно красивой улыбкой, которая сейчас меня так бесила.

Эльф заметил мое негодование и оно, похоже, его ужасно развеселило. Во всяком случае, лицо его приняло уже привычно ехидное выражение, а в золотых глазах заплясали веселые искры. И почему, во имя предков, таким он нравился мне еще больше?! Я внутренне одернула себя.

— Ты становишься еще отвратительнее, когда сердишься, *h'gash* — выдал он, и я оторопела от такой наглости. Да что он о себе возомнил?!

Я резко вскочила, окинула его злым взглядом и резко дернула одеяло на себя. В этот самый момент повозку подкинуло на очередном камне, и я полетела вниз на спину, больно стукнувшись затылком о железные прутья. Моего сокамерника постигла та же участь, только он, в отличие от меня, лишился теплой защиты от ледяного горного ветра. Я кинула на него победоносный взгляд, гордо завернулась в отвоеванное одеяло и отвернулась.

Какое-то время мы молчали. Я, в своем огромном теплом коконе и он, съезжившись на ледяном ветру. Я периодически бросала на него любопытные взгляды. Было жутко интересно, решит ли он снова замерзнуть или все-таки предпочтет переступить через свою заносчивость.

Через несколько минут мой гнев начал понемногу угасать. А проклятый эльф не спешил извиняться. У него уже зуб на зуб не попадал, но он лишь вызывающе смотрел на меня и молчал. И наконец, я сдалась.

Ну не могу я смотреть на чужие страдания!

Недовольно засопев, я подползла к нему и уселась рядом, предложив ему половину одеяла. Тот и виду не подал, что удивлен. Лишь быстро закутался в него и отвернулся. Может я и поступила слишком мягкосердечно, но зато его желание издеваться, точно отбила пусть и

ненадолго.

Я устало прикрыла глаза. Какое-то время мы молча тряслись в проклятой повозке. И поначалу наступившая тишина была только в радость. Мы с Огоньком порой молчали часами. Но сейчас рядом был не мой дух-защитник, а незнакомый и очень странный мужчина. Потому, через время, тишина начала давить. И, когда я уже совсем была готова сдаться и извиниться перед этим типом, он, к моему крайнему удивлению, меня опередил.

— *Mie vera, h'gash*, — его голос вновь прозвучал слишком близко, но я и не подумала шелохнуться. Хотя, честно говоря, просто застыла от шока. Впервые в жизни передо мной извинился эльф! Чувствуя, как пошатнулось мое, обычно такое устойчивое, мировоззрение, я настороженно уставилась на своего сокамерника. Меня посетила мысль, что он снова издевается. Однако, на этот раз, лицо его было абсолютно серьезным.

Похоже, тот заметил сомнение на моем лице, потому что поспешил объясниться.

— Подумать смешно, я чуть не стал жертвой собственных предрассудков. И спасла меня ужасная полукровка, которая, если верить общим убеждениям, должна была как минимум сожрать меня заживо. В общем, у меня произошел небольшой сбой в мировосприятии, понимаешь?

Я задумчиво кивнула. Ну как тут не понять, если сама еще не отошла от такого же шока.

— Я предлагаю мир, — закончил свою мысль эльф и выжидающе уставился мне прямо в глаза.

Только сейчас мне удалось хорошенько его разглядеть. Предки! Он оказался еще красивее, чем я думала! Даже под невероятным слоем грязи была заметна прекрасная смуглая кожа. Идеально-правильные черты лица делали его похожим на древнюю статую, когда-то виденную мной в каком-то полуразрушенном эльфском храме. Светло-пепельные, почти белые волосы эльф носил выбритыми по бокам и собранными в длинную косу на затылке. В медово-золотистых глазах с огромной радужкой сверкали веселые искры. Общую картину немного портила напухшая от ссадины губа и запекшаяся на щеке кровь. Я представила, насколько ужасно выгляжу сейчас на его фоне и немного смутилась.

Продолжать конфликт не хотелось, так что я медленно кивнула и отвернулась, чтобы скрыть собственную неловкость.

В воздухе снова повисло молчание. Я не могла говорить по известным причинам, а эльф задумчиво рассматривал унылые каменистые холмы, между которыми мы ехали уже полдня. Через время я почувствовала, что засыпаю. Размеренное покачивание повозки убаюкивало. К тому же через одеяло я чувствовала тепло исходившее от моего вынужденного спутника. Так что уже вскоре, окончательно отогревшись, я начала позорно клевать носом.

Меня звал Гипнос. Казалось, с нашей последней встречи, прошла вечность. И я с радостью падала в его объятия, желая забыться на его великолепных просторах. Однако, мечтам моим не суждено было сбыться. Из забытья меня вырвал все тот же низкий, приятный голос.

— Почему ты не говоришь?

Еще толком не проснувшись, я сонно усмехнулась, и немного подумав, наклонила голову так, чтобы он видел шрам, оставленный на шее злосчастной стрелой, что лишила меня дара речи.

Эльф немного подался вперед, разглядывая старый, уже почти совсем незаметный рубец. Точеные брови слегка нахмурились, в глазах же отчетливо читалось сожаление. На сердце почему-то стало тепло. Ужасно приятно было видеть в чужих глаза что-то, помимо

привычной брезгливости или, что еще хуже, похоти смешанной с ненавистью. Я спешно прикрыла шрам. Еще какое-то время он с еще большим интересом разглядывал меня, причем мое молчание он, похоже, воспринял как бонус. Через несколько минут, в подтверждение этого, он выдал:

— Знаешь, это даже неплохо, что ты все время молчишь. Прибавляет какой-то загадочности. Плюс, ты так кажешься умнее. Женщины почти никогда не говорят ничего разумного.

Последняя фраза заставила меня поперхнуться. «Как будто мужчины блещут умом каждый раз, когда открывают рот», — подумалось мне. Прокашлявшись, я с упреком посмотрела на своего собеседника. Но тот лишь хитро усмехался.

— *Aine'saraltan Firlas. Seranas tuor naru.* — вдруг представился он по-эльфски.

Фирлас... хм. Даже имя у него было что надо. Если я не ошибаюсь, оно переводилось, как «посвященный Феору», эльфскому богу мудрости. Куда уж тут мне, названной в честь какого-то цветка. По всем канонам вежливости, я должна была представиться в ответ. Без голоса это сделать было довольно проблематично, но один выход я все же нашла.

Я аккуратно взяла в руки ладонь мужчины, украдкой наблюдая при этом за переменами на его лице. Ни брезгливости, ни гнева... он был абсолютно спокоен и даже слегка улыбался. Я раскрыла его ладонь и стала пальцем чертить на ней буквы, одну за другой. Эльф заинтересованно следил за моими манипуляциями то и дело двигая губами, чтобы выговорить начерченный мной символ.

— Сайена, — произнес он после паузы, — Хм, тебе подходит. На древнем наречии значит «непреклонная».

Надо сказать, я удивилась. Мать часто говорила мне, что хоть моя имя и звучит, как цветок, но значит совсем другое. Могла ли она знать его настоящее значение? В любом случае, это стало открытием. И похоже, мое удивление не ускользнуло от эльфа. Он усмехнулся.

— Могу поучить тебя немного древнему языку. Все равно заняться нечем, а ехать нам еще не один день.

Неужели он знал, куда мы едем?! Но откуда?!

Я пристально посмотрела на своего собеседника и подкрепила свой интерес вопросительным жестом.

— Пока ты спала, я немного послушал разговоры наемников. Это те, которые не похожи на мертвецов, — он махнул рукой в сторону шумно галдящей ватаги мужчин ехавшей в арьергарде каравана. — Нас везут на Собрание Всех Народов, в горы. В принципе, это совпадает с направлением нашего движения, так что я склонен им верить.

Он горько усмехнулся и продолжил.

— В любом случае, сейчас меня больше волнует не куда нас везут, а зачем...

Я нахмурилась, переваривая информацию. Если мой спутник был прав, то ничем хорошим посещение собрания нам не грозило. Уже несколько столетий главными ораторами на любых политических аренах являлись представители Ордена Тишины. А значит, Небесный дом будет битком набит тихонями всех видов и рангов. Неучтенным сновидцам лучше десятой дорогой обходить подобные сборища. Особенно, эльфам и уж тем более богомерзким полукровкам, вроде меня.

Надо заметить, что все пленники в той или иной степени были чувствительны к духовной энергии. Это я заметила еще при первой провалившейся попытке пообщаться. В

основном, конечно, это были сони — люди и эльфы любимцы Гипноса, недостаточно сильные, чтобы стать сновидцами, но умевшие в той или иной степени управлять своими снами. По сути, настоящих сильных сновидцев во всем караване было только двое — я и мой сокамерник. Возможно, именно поэтому нас отсадили отдельно от остальных. С их стороны это было огромной ошибкой. Вдвоем бежать куда как сподручнее, чем тащить за собой толпу бесполезных сонь. Я криво усмехнулась своим мыслям и тут же поморщилась от боли в щеке, изрядно распухшей после встречи с насильниками.

— Болит? — с каким-то научным интересом спросил мой собеседник.

Я кивнула.

— Да, выглядит ужасно. У тебя, честно говоря вообще видок еще тот. Как будто тебя виверна пожевала и выплюнула. — в золотых глазах эльфа мелькнула веселая искорка.

В ответ я лишь пожала плечами. Честно говоря, меньше всего меня сейчас волновала собственная внешность. Единственным, что меня сейчас заботило, было выживание и потерявшийся где-то Огонек.

— Знаешь, немного досадно, что единственная *h'gash*, которую мне довелось повстречать оказалась немой. — продолжил мой спутник, — Было бы весьма занятно узнать мир с точки зрения эдакого чудища.

Я сердито сверкнула глазами в его сторону, но гнев тотчас угас при взгляде на клыкасто улыбающегося эльфа. Сомневаюсь, что хоть какая-то представительница слабого пола могла бы устоять перед такой улыбкой. Я почувствовала, как краска прилила к щекам. Дико хотелось улыбнуться в ответ, но я вовремя вспомнила о болезненных ссадинах на лице и лишь тихо хмыкнула.

Остаток дня прошел за разговорами. Точнее, говорил Фирлас, а я молча кивала и, как могла, выражала эмоции с помощью мимики. Еще ни разу мне не доводилось повстречаться с кем-то более начитанным, чем я. Потому слушать его рассказы оказалось чистейшей воды удовольствием.

В основном, он рассказывал мне о своем народе. О том, как долго и мучительно они боролись против порабощения и продолжают бороться сейчас. А еще, его ужасно интересовал Гипнос и духи. О них он знал меньше моего. Не скажу, что узнала что-то принципиально новое, но его способ восприятия мира снов был совсем не таким, как мой. Если я относилась к духам, как к друзьям и знакомым, с которыми весело и интересно проводить время, то Фирлас видел их скорее, как некую отдельную расу, требующую изучения. Похоже, он даже не представлял, что с духами можно дружить.

Правда, наша с Огоньком связь была исключением, которое не могли объяснить даже мы сами. Ведь он добровольно покинул Гипнос, чтобы защищать меня. За годы жизни в нашем мире он стал практически неотличим от человека, чью форму так часто принимал.

Ближе к вечеру эльф заговорил о днях до падения богов. Я, конечно, знала историю. Большую ее часть мне поведала мать, остальное я прочла в библиотеке покойного герцога Эр'Засского во время своего вынужденного проживания в столице под личиной его дальней родственницы. Но то, что поведал мне Фирлас, нельзя было найти ни в одной из существующих ныне книг. А все потому, что он рассказывал не общепринятые исторические факты, а воспоминания, взятые из жизни отдельных эльфов того времени. Все, что помнил он сам и то, что смогли поведать ему духи Гипноса, наблюдавшие за теми днями. Я с таким интересом слушала его рассказ, что не сразу заметила, как начало темнеть.

Рассеяно осматривая заметно приблизившиеся горные склоны, я продолжала вполуха

слушать эльфа. И вдруг мое внимание привлекло то, что развеяло все страхи и вселило в сердце надежду. На одном из склонов горели несколько костров, образуя собой рисунок созвездия Шеленара. То был наш с Огоньком условный знак, а значит, он был жив и все это время не выпускал меня из виду. Я непроизвольно заулыбалась и немного подалась вперед, разглядывая знак. Фирлас заметил эту перемену и насторожился.

— Что ты там увидела?

Я лукаво улыбнулась и помотала головой. Пока что не стоило ему всего говорить. Я все еще не доверяла этому типу. Да и с чего бы? В принципе, я не доверяла вообще никому, кроме Огонька. Но, похоже, этот эльф был единственным в этом обозе, кто мог бы помочь мне бежать. Я решила сначала немного за ним понаблюдать и тогда уже решать рассказывать ли ему о духе. Хотя я, конечно же понимала, что возможно, вскоре у меня не будет выбора.

Пока я раздумывала, совсем стемнело. Надсмотрщики подали сигнал к остановке и нас вместе с остальными пленниками, наконец, выпустили из клеток. Я еще никогда не была так рада оказаться на твердой земле. Но радости не суждено было длиться долго. Подошел один и безликих и несколькими скупыми движениями надел на нас пару тонких наручников скрепленных метровой цепью. Я сразу почувствовала, как блекнет мир вокруг. Ну конечно же! Двимерит! Особый металл, блокирующий связь сновидца с Гипносом. Я заметила, как побледнел мой спутник, когда браслет защелкнулся на его правом запястье. Судя по всему, для него такой разрыв был более болезненным, чем для остальных. Однако, держался он молодцом. Даже умудрился улыбнуться, прежде, чем нас погнали разбивать лагерь.

Помучавшись немного с добыванием огня без магии, мы все же зажгли какой-никакой костер и устало свалились на землю рядом.

Цепь, соединившая нас, дико мешала. К тому же еще и браслет натирал запястье так, что у меня уже выступила кровь в нескольких местах. Заметив мои мучения, Фирлас извлек откуда-то из-за пазухи тонкий шелковый платочек и молча протянул мне. Не теряя времени, я обернула руку под браслетом. Шелк приятно охлаждал натертую кожу и не позволял металлу повредить ее еще больше.

Я устало вытянула ноги и благодарно кивнула эльфу. Скоро должны были принести еду. Ее как раз готовили несколько пленных сонь. Так что у нас образовался небольшой перерыв, которым грех было не воспользоваться. Я прикрыла глаза с твердым намерением немного вздремнуть. После долгого и весьма насыщенного дня голова была переполнена информацией и от того, казалось, вот-вот лопнет. Нужно было ее как-то переварить, и лучшим способом для этого был сон.

К сожалению, моим умиротворенным планам не суждено было осуществиться. Не успела я закрыть глаза, как с другого сторона костра послышались громкие женские вопли. Я устало приподняла голову. Представшее передо мной, мгновенно согнало всю дрему. Двое наемников в масках тащили в ближайшие кусты молоденькую эльфку. Я не могла видеть их лиц, но понять их намерения было нетрудно. Девчонка истошно вопила и неистово извивалась, пытаясь вырваться из железной хватки здорового бугая. Второй — мелкий и немного сторбленный лишь потирал руки в предвкушении веселья.

Я почувствовала, как огненная волна гнева подкатывает к сердцу. Ну не могла я терпеть

подобное! В свое время некий герцог приложил к этому свою мерзкую руку. За что и поплатился! А теперь, пришла пора платить другим.

Недолго думая, я вскочила на ноги, дернула за цепь и жестом попросила Фирласа следовать за мной. К моему удивлению, тот беспрекословной повиновался. Наверное, удалось его заинтересовать своим неожиданным маневром.

Твердым шагом я направилась вслед за успевшими скрыться в кустах наемниками. Крики девчонки стали глуше. Похоже, ей просто заткнули чем-то рот. Проходя мимо костра, я выхватила оттуда пылающее поленце и перехватив его за холодный конец на манер меча, направилась напрямик в кусты. Эльф неотступно следовал за мной.

То, что я увидела на небольшой полянке, окончательно меня взбесило. Глухо всхлипывающая девчонка была распростерта на жухлой побитой заморозками траве. Сверху на ней сидел тот самый мелкий тип и методично ее избивал. Бугай стоял рядом, наготове, со спущенными до колен штанами. Это стало последней каплей.

Не останавливаясь ни на секунду, я подскочила к мелкому, таща за собой начавшего было упираться эльфа, и со всего маха огрела его по голове горячей головней. Поленце хрустнуло и переломилось. Хотя, возможно, это хрустнул череп неудачливого насильника, потому что он мешком осел на полуобморочную эльфку.

Второй наемник оказался расторопнее, чем я думала. Быстро натянув штаны, он со всех ног рванул в лагерь, вопя что-то невразумительное. Я же участливо наклонилась над девчонкой. Все было не так плохо, как могло бы. Лицо ее и одежда, конечно, пострадали. Но главное, что эти уроды не успели завершить начатое. Я легонько похлопала эльфку по щекам. Та дернулась, затем открыла глаза, пару секунд смотрела на меня, не осознавая, кого видит. Но когда поняла, громко взвизгнула, вскочила на ноги и бросилась прочь.

— Теперь я понял, — прошипел позади меня ехидный голос, — ты не просто немое чудище, по воле рока свалившееся мне на голову. Ты, ко всему прочему, еще и...

Но договорить Фирласу не дали. На поляну влетело трое. Первый — наш недавний знакомый и еще двое таких же мордоворотов. Я и пикнуть не успела, как оказалась прижата к земле чьими-то чудовищно сильными руками. Эльфа поставили на колени рядом со мной.

— Глядите, мужики, эта ведьма Прока убила. — громила ткнул пальцем в безжизненное тело товарища на земле. — Надо бы ее саму... того... Полукровка она! Чудище!

— Нельзя, Гуд. Сам знаешь, шипуны с нас шкуру спустят за ведьмой этих. — второй кивнул в нашу с Фирласом сторону.

— Так чего с ней цацкаться. Коли обслужит всех троих, считай был прок от смерти Прока. — осклабился третий. Остальные согласно закивали.

Я почувствовала, как возвращается недавний гнев. «Пусть уж лучше убьют, буду отбиваться до последнего», решила я и с силой пнула ближайшего ко мне насильника. И, кажется, попала, потому что тот взвыл от боли и хлопнулся на землю, зажимая руками причинное место. В тот же миг, в глазах вспыхнули искры. Удар пришелся по и без того напухшей скуле. Из-за резкой боли на глазах выступили слезы.

— Гляди-ка, строптивая... — бросил один из насильников. — И глазища какие! А ты, остроухий, смотри и учись. — обратился он к притихшему эльфу.

— Не смейте...

Я удивленно обернулась. Фирлас сидел на коленях с опущенной головой. Его буквально трясло от гнева. Золотые глаза переливались жидким пламенем, а на скулах играли желваки. На секунду наши глаза встретились, и от его обжигающего взгляда к щекам прилил румянец,

а дыхание мгновение перехватило. А затем, он сорвался с места.

Честно говоря, он двигался с такой скоростью, что разглядеть происходящее мне не удалось. Первый наемник рухнул на землю рядом со мной с неестественно вывернутой шеей. Через пару секунд к нему присоединился второй совсем без головы. Третьему же удалось пробежать пару шагов, прежде чем его настиг брошенный в спину клинок, ранее принадлежавший кому-то из его неудачливых приятелей.

И все это Фирлас проделал за какие-то пять-шесть секунд, не вставая на ноги, и даже не дернув меня за соединявшую нас цепь! Я, как замороженная, уставилась на тяжело дышавшего эльфа.

— Ты чокнутая идиотка! Самое ненормальное чудище из всех, что мне довелось повстречать! — сердито выдохнул он.

Я попробовала улыбнуться, но почувствовала, как силы оставляют меня. Возможно, свою роль сыграл шок, возможно усталость, хотя, скорее всего, и то и другое. Потому что отключилась я довольно надолго.

Очнулась я только на следующий вечер, лежа у костра, заботливо прикрытая все тем же шерстяным одеялом. Рядом сидел Фирлас и увлеченно хлебал что-то из грубой деревянной миски. Я осторожно повернула голову и окинула взглядом лагерь. На этот раз поляну для пленников оградили деревянными кольями с натянутыми между ними веревками. В центре ее горел огромный костер. Многие из наших спутников, как мертвые, лежали вокруг огня, остальные сбились в кучку на противоположной стороне «загона». Все, кроме эльфа, который все еще был намертво прикован ко мне проклятушей цепью. Похоже, после гибели нескольких наемников, охрану в обозе ужесточили. Я поискала глазами спасенную нами девочку и удовлетворенно хмыкнула, заметив ее в толпе сгрудившихся вместе пленников.

Я приподнялась на локтях и уж было приготовилась с достоинством принять очередной сердитый взгляд моего спутника, когда мой желудок неожиданно выдал такую голодную трель, что слышно было, на весь лагерь.

Я смущенно покраснела и постаралась прикинуться спящей. Даже засопела для убедительности.

— Если хочешь есть, могла бы просто попросить, — его низкий голос прозвучал слегка насмешливо. Но, о чудо, он не сердился! Хотя, какое уж там чудо, тогда в кустах он сказал мне все, что думал.

Я открыла глаза, резко села и с вызовом уставилась на своего спутника. Сначала, он удивленно замер, затем, заинтересованно подался вперед, продолжая внимательно вглядываться в мое лицо. Я упрямо не отводила глаз. В его взгляде промелькнуло все — от заинтересованности до восхищения.

— Только сейчас заметил, — медленно произнес он, — Какие у тебя удивительные глаза!

Я вопросительно приподняла одну бровь.

— *Loena'naru* — дитя сердца. Так раньше называли владельцев бирюзовых глаз. До того, как появились полукровки, которые с чьей-то легкой руки, вдруг оказались средоточием мирового зла. — внезапно пояснил он.

На этот раз вверх взлетели обе мои брови. Мое удивление легко было понять. Мало того, что ни разу в жизни я не встречала подобного обращения, так он еще и вел себя как ни в чем ни бывало после вчерашнего. Он не просто не боялся меня, не презирал, а даже наоборот, я

была ему интересна. ИНТЕРЕСНА, предки меня заберут!

Наверное, вид у меня был весьма обалдевший, потому что эльф расплылся в широкой клыкастой улыбке.

— Да не удивляйся ты так, мир не сошел с ума, пока ты спала. С ума сошел, кажется, только я. Потому что ты явно безумна, а мне, почему-то, нравишься все больше.

На этот раз пришла моя очередь улыбаться. На поверку, Фирлас оказался не так ужасен, как я считала. Его красивая внешность и непринужденная манера общаться, сразу располагали к себе. Даже несмотря на то, что он продолжал то и дело звать меня чудищем.

— Есть будешь?

Не дожидаясь ответа, он сунул мне в руки деревянную миску с каким-то варевом. На вид оно было ужасно, на вкус еще ужаснее, но утолить голод сумело. Честно говоря, после двухсуточной голодовки, варево показалось мне чуть ли не божественным нектаром. Пока я молча ела, он не сводил с меня глаз. Наконец, я не выдержала, подняла голову от миски и вопросительно посмотрела в его золотые глаза, подкрепив свой взгляд жестом.

— Та девчонка, которую ты так рьяно защищала. Она ведь даже спасибо тебе не скажет, ты знаешь?

Я кивнула.

— И ты все равно решила ей помочь, почему?

Я задумчиво почесала затылок, соображая, как лучше ему объяснить. Не придумав ничего лучшего, черенком ложки я стала писать ответ на земле.

— Я слишком хорошо знакома с насильниками, — написала я.

Точеные брови сошлись на переносице, а в глазах полыхнул знакомый уже гнев. Но лишь на мгновение. Через пару секунд лицо эльфа приняло привычное отрешенное выражение.

— Нужно спать, — бросил он мне, отвернувшись и засопел.

Я же засыпать пока не собиралась. Отчасти, потому, что итак проспала больше суток. Но кроме этого, где-то там, в темноте, меня ждал Огонек.

Мне просто позарез нужно было попасть в хвост обоза. Туда, где сейчас толпились волы, тянувшие многочисленные клетки. Там почти не было охраны и лишнего света. По моим прикидкам, именно оттуда моему духу будет безопаснее всего подойти к нам после того, как мы уберем часового. Именно там я могла беспрепятственно встретиться или хотя бы поговорить с ним.

Я внимательно осмотрела возможные маршруты перемещения к животным, и самым безопасным из них мне показался один — через небольшую рощицу у обочины. Обоз очень удачно расположился вдоль изгиба дороги, так что путь к цели можно было хорошо срезать. Вскоре созрела и идея насчет того, как в эту рощицу попасть.

Я растормошила спящего эльфа и кое-как жестами показала, что мне срочно приспичило по малой нужде. Для пущей убедительности, я даже начала пританцовывать на месте, плотно сжав ноги. Мой новый знакомый раздраженно подкатил глаза и потянул меня за собой к ближайшему охраннику. Там, он вкратце объяснил, чего именно нам нужно, однако охранник только указал на землю. Ну конечно, пирай деточка тут, пусть всем потом воняет... Похоже, та же мысль посетила и Фирласа, потому что он поморщил нос и начал медленно пояснять охраннику все минусы справления нужды внутри «загона». Надо сказать, он был очень красноречив. Так что через пару минут мы радостно топали к указанным мною кустикам. Точнее, радостной была я, а эльф лишь недовольно сопел у меня за спиной.

В туалет действительно хотелось, так что пришлось немного поднапрячь моего

спутника, чтобы тот отвернулся и вообще спрятался за ближайшее дерево. Длина цепи, к сожалению, не позволила. Так что эльф отвернулся, недовольно поморщившись. Я ужасно смущалась, но делать было нечего. А когда не знаешь, что делать — делай что должно.

Закончив свои дела, я быстро натянула штаны и, схватив рукой связывающую нас цепь, потянула эльфа за собой в чащу. Вначале он не понял, куда мы направляемся, но уже через пару минут заметил, что подлесок становится гуще. Он остановился и резко дернул цепь.

— Ты куда это собралась?

Я ткнула пальцем в сторону пасущихся волов.

— Ну уж нет, — нахмурился он. — Ты даже не представляешь, что с нами сделают, если поймают ночью вне обоза! К тому же, охранник пойдет искать. Я пообещал ему вернуться в течение пяти минут!

Я устало вздохнула. Ну как ему объяснишь, что это единственный шанс связаться с другом?! Не поймет ведь! Я упрямо дернула на себя цепь, но похоже, не рассчитала силу, так что не ожидавший подвоха эльф, запахал носом в землю.

— Да что ж ты делаешь, малахольная?! — фыркнул он, вставая, и дернул цепь к себе.

На этот раз на ногах не устояла я и грохнулась прямо в муравейник. Начиная злиться, я возилась в сырой земле, стараясь избавиться от расползшихся по рукам перепуганных букашек. Это надо же, какой гад, я-то его случайно уронила, а он меня намеренно с ног сбил.

Ну все!

Я ловко извернулась и сделала эльфу подножку. Он нелепо взмахнул руками, дернув цепь, и растянулся на все том же злополучном муравейнике. Разъярённой кошкой я прыгнула сверху, но была ловко перехвачена и отброшена на спину одним умопомрачительным приемом. Фирлас не терял ни минуты, он быстро перехватил мои руки, прижав их к стволу ближайшего дерева. Его глаза были совсем близко, и в них пылал огонь. Желтое янтарное пламя переливалось всеми оттенками золота. На секунду я даже залюбовалась. Щеку обожгло горячее дыхание. Было в этом эльфе что-то такое, от чего у меня сердце странно замирало. Но медлить было нельзя. Нужно было успеть вернуться до того, как заметят наше долгое отсутствие.

Нужен был шок!

Недолго думая, я неловко вытянула шею и мягко прикоснулась к его губам своими. На мгновение он замер от удивления, но затем прижался ко мне всем телом и вернул мой поцелуй. Да так страстно, что я сама оказалась в плену этого огня, заставившего позабыть обо всем. Не знаю, сколько это длилось. Время свернулось в какую-то едва ощутимую точку, а весь мир уместился в его горячем дыхании и сильных руках на моих запястьях.

Сохранить ясность мыслей было невероятно сложно, а переступить через себя и окончить это безумие тем более. Но внезапно пришедшая в голову мысль об Огоньке быстро вернула меня в реальный мир. Нужно было действовать, а не целоваться в лесу с малознакомыми мужиками! Не прерывая поцелуя, я аккуратно вынула одну руку из хватки эльфа, нащупала на земле небольшой камень и изо всех сил двинула его по затылку.

Он тут же обмяк и навалился на меня всем своим немаленьким весом. Я неуклюже выползла из-под него, потирая ушибленные места. Тяжеловат, конечно, но зато не сопротивляется. Я аккуратно ощупала его затылок. Крови не было, но зато в наличии имелась огромная шишка. Я с ужасом представила, что будет, когда он очнется. Одна надежда была на Огонька, и голос, который он мог мне дать. Только так я смогу объяснить Фирласу случившееся, в надежде, что он меня поймет.

Поднагужившись и согнувшись почти пополам, я все-таки сумела взвалить на себя эльфа. Хвала предкам, идти было совсем недалеко. Уже через пять минут активного движения с эдаким грузом, начали подкашиваться ноги. Хорошо, что мы были уже на месте. Со вздохом облегчения, я сбросила свою ношу на охапку соломы, и сама упала рядом. В надежде, что Огонек понял мою задумку и тоже переместился поближе к концу обоза, я потянулась к его разуму.

— Огонек, пожалуйста, скажи, что ты меня слышишь... — мысленно прошептала я. Почему прошептала? Да потому что проклятый браслет не давал мне в полной мере пользоваться мысленной речью. Да еще поцелуй этот... все мысли спутал.

— Я слышу тебя, крылышко, и вижу. Никуда не уходи, я сейчас приду. — его уверенный голос в одно мгновение развеял все мои страхи, и я устало откинулась на солому.

Тем временем Фирлас начал приходить в себя. Поначалу он просто ворочался, потом тихо застонал и потянулся рукой к ушибленному затылку. Нащупав шишку, он зашипел и витиевато выругался по-эльфски. И только тогда открыл глаза.

Увидев меня, он отшатнулся, непроизвольно потянув за цепь, которая нас связывала. В итоге я неуклюже уткнулась лицом в солому между его ногами. Хотя, так было даже лучше. Смотреть ему в глаза все равно было стыдно.

— Ты самая ненормальная женщина из всех, что я встречал, — после недолгой паузы пробурчал он. Но в голосе его я не заметила гнева, которого так опасалась. Я осторожно привстала и заглянула ему в глаза. К моему пущему удивлению, они улыбались, хоть остальное его лицо оставалось серьезно. — Честное слово, поцелуя с таким финалом у меня в жизни еще не было. А живу я, к слову, не первое столетие.

Я улыбнулась и опустила глаза. Очень хотелось сказать: «У меня тоже...» Но на тропинке, ведущей к нам из леса, появился человек с факелом. Я замерла от ужаса, а эльф резко вскочил на ноги. Он все еще пошатывался, но уверенным движением спрятал меня за спиной. Человек приближался, и вскоре мы сумели рассмотреть белую маску и невнятные серые одежды одного из стражников. «Нам конец!», — мелькнуло в голове, но стражник неожиданно бросил факел на землю и поднял руки вверх.

— Крылышко, это я... — прозвучал у меня в голове знакомый теплый голос.

— Огонек! — я сорвалась с места и бросилась в его объятия, естественно, потянув за собой моего многострадального спутника.

В крепких объятиях духа было тепло и безопасно. Я почему-то вновь на мгновение почувствовала себя юной девчонкой, только что освободившейся от позора и унижения, убившей своего истязателя. Хоть я и спрятала эти чувства глубоко внутри, в такие моменты, как этот, они иногда прорывались наружу. По щеке скатилась слеза. Огонек понял мое состояние и крепче прижал меня к себе.

Идиллию нарушил Фирлас.

— Дай угадаю, твое безумие прогрессирует?! — язвительно прошипел он где-то позади.

Огонек отстранил меня и смерил эльфа долгим оценивающим взглядом. Со стороны, правда, казалось, что стражник в белой маске просто уставился на одного из пленников, будто бы решая, что с ним делать. К чести Фирласа, он этот взгляд выдержал с достоинством. Его янтарные глаза пылали огнем в свете факела. Похоже, эльф готовился дорого продать наши жизни, но все еще не решался напасть первым.

— Объясни ему, кто ты, Огонек... А то ведь шум подымет, — попросила я мысленно. — Только не говори, что дух!

— *Aine'saraltan Fair. Seranas tuor naru.* — с полупоклоном произнес дух. — Йена со мной, я вытащу вас, как только представится возможность.

После этих слов Фирлас заметно расслабился. Он разжал сомкнутые кулаки и вопросительно посмотрел на меня. В ответ я кивнула, подтверждая слова Огонька.

— *Aine'saraltan Firlas,* — наконец представился он, опустив вежливую часть фразы. На него это было непохоже. Кажется, Огонек ему не очень-то понравился. Но переживать сейчас из-за его симпатий мне совсем не хотелось.

Я снова обратилась к духу:

— Огонек, ты давно в этом теле?

— Минут пятнадцать. Еще не полностью освоился. Эти люди в масках очень странные. Они точно живые, но внутри пусто. Мне ничего не стоило овладеть им.

— То есть, как, пусто? — не совсем поняла я.

— Души нет, будто в куклу вселяешься, — пояснил мой друг.

Ни о чем подобном я раньше не слышала, несмотря на всю мою начитанность. Неприятное предчувствие кольнуло где-то в районе сердца. Я мысленно сделала для себя заметку расспросить Фирласа о наших пленителях и их странностях. Уж очень все это было загадочно, а местами даже зловеще.

Тем временем Огонек, не теряя времени, взялся за соединявшую нас цепь и потянул за собой обратно к кострам, вокруг которых расположились соединенные попарно пленники.

— Вам пора возвращаться, иначе вас хватятся. — произнес он вслух. — Я постараюсь узнать побольше. Сегодня вечером попробую заменить вашу цепь на обычную, чтобы не блокировала сны. И теплых вещей принесу. Я слышал, за сегодняшний переход несколько пленников замерзли насмерть.

Я многозначительно посмотрела на эльфа, но тот сделал вид, будто не заметил. Его, обычно приятная манера держаться, становилась все менее дружелюбной. Он то и дело сердито поглядывал на Огонька, но пока помалкивал.

К костру мы пришли, когда остальные уже спали. Охранник из числа наемников подозрительно прищурился, вспоминая сколько времени нас не было, но при виде безликого молча пропустил нас в загон. Огонек усадил нас на солому.

— Постарайтесь как можно лучше отдохнуть. Завтрашний переход будет последним, к вечеру мы должны прибыть на место. Я приду посреди ночи. — с этими словами он встал, и собрался было уходить, когда я перехватила его за руку.

— Огонек, мне нужен голос, — прошептала я мысленно, — этот эльф многое знает, хочу его расспросить.

— Хорошо, крылышко, но будь с ним осторожна, странный он какой-то...

Я почувствовала внутри знакомое тепло, когда Огонек переместил в меня часть себя самого, временно возвращающую мне нормальную человеческую речь. Горло засадило, и я громко откашлялась. Но стоило только духу скрыться за ближайшей повозкой, как я тут же обернулась к своему мрачному спутнику.

— Помнится, тебе ужасно хотелось поговорить с чудищем... — с улыбкой произнесла я.

Глава 2: Фирлас

От неожиданности деревянная миска, с которой он пытался доесть ужин, со стуком выпала из рук и покатилась прочь. Остатки ее содержимого расплескались по земле неприятной коричневой лужей. Фирлас лихорадочно соображал, каким чудесным образом немая могла вдруг заговорить, когда поймал себя на позорно отвисшей челюсти и поспешил захлопнуть рот и напустить на лицо максимально безразличный вид. Однако, его ухищрения, похоже, не прошли незамеченными. По крайней мере, на выразительном лице Сайены теперь читалась вся гамма чувств от понимания до ничем неприкрытой иронии. И то, и другое было жутко раздражающим. Он почувствовал, как где-то внутри угольком начала разгораться злость.

— К чему был весь этот маскарад? — грубовато поинтересовался он. — Может, у тебя и шрам не настоящий?

Тонкие брови его собеседницы взлетели вверх.

— Никакого маскарада. Я действительно не могу говорить..., — начала она и запнулась. — Обычно не могу, — добавила она, похоже, осознав всю абсурдность своего заявления.

— Ну конечно же не можешь. — съязвил он в ответ. — Только, когда сильно нужно, происходит чудесное исцеление, я все верно понял?

— Знаешь, что? — она сердито прищурилась. — Не собираюсь перед тобой отчитываться. Захочешь поговорить, найдешь меня на другом конце этой проклятой цепи!

Она многозначительно тряхнула наручником и отвернулась.

Слова действительно давались ей с трудом. Каждую фразу она произносила с расстановкой, так, что создавалось впечатление какой-то заторможенности. Так разговаривают те, кто только начал изучать чужой язык, в основном из боязни ошибиться. Ее слова были похожи на правду, и это раздражало даже больше, чем обман.

Фирлас молчал, стараясь не усугублять охватившее его раздражение. У него всегда были проблемы с контролем над гневом. Лишь в последние пару столетий наконец стало получаться не злиться по пустякам. Хотя возможно, он просто начал стареть. Долгоживущим эльфам тоже присуща старость, хоть и совсем не такая, как у других народов. У эльфов старилась только душа, тело же оставалось молодым и сильным.

Сейчас на вид ему никто не дал бы больше тридцати человеческих лет, но дух был так стар, что порой он чувствовал, как память и чувства угасают, сливаясь в какую-то мутно-серую невыразительную массу.

Но вдруг, произошло удивительное. Словно глоток свежего воздуха, в его жизнь ворвалось чудище. *H'gash* — «сердце тьмы», в переводе с современного языка его народа. Название, искаженное веками невежества. Да и упомянутой тьмы в ней не было. Умная, настойчивая, да что уж там говорить — совершенно безумная и удивительно красивая. Но, совсем не темная. По крайней мере, сравнивая бездну мрака, лежащего на его собственной душе, с ее молодостью и прямоотой, он все больше склонялся назвать чудовищем себя.

И вот снова, под настороженным и слегка насмешливым взглядом прекрасных бирюзовых глаз, он ощутил себя последним негодяем. И правда ведь, не все ли равно, каким образом она обрела голос?! Главное, теперь можно было поговорить, услышать для разнообразия живую речь, вместо неловких попыток объясниться жестами. Но для начала

стоило успокоиться. И отдохнуть.

А устал он чудовищно. Голова до сих пор гудела от удара камнем, благо боль немного компенсировалась приятным послевкусием мягких губ. Кто бы мог подумать, что он так бурно отреагирует на банальный поцелуй?! Нет, он конечно давно не общался с женщинами. В последнее время в силу обстоятельств приходилось избегать общения с соплеменниками. Но все же, терять голову от простого поцелуя в его то возрасте! Позор!

Фирлас молча отвернулся, всем своим видом давая девушке понять, что разговора сегодня не состоится. Нет, он конечно же не видел большой беды в том, чтобы поделиться с ней информацией. Даже наоборот, хотелось поведать ей все, что успел узнать о безликих и цели их путешествия. Помощь сильного сновидца в деле поимки дракона могла оказаться весьма кстати. А силой боги ее не обделили. Он почувствовал это, едва взглянув в ее сторону.

Но все же, девчонку стоило проучить!

В ответ Йена хмыкнула, а затем почему-то улыбнулась, точнее, попробовала улыбнуться. Ушиб на ее щеке успел еще больше напухнуть и посинеть. Похоже, что и болел он изрядно. Так что, вместо улыбки у нее получилась только болезненная гримаса.

По какой-то причине она по большей части терпела все агрессивные выпады в свою сторону. Не из-за того ли, что он имел неосторожность общаться слишком дружелюбно? А может, все из-за поцелуя, от которого ему не удалось удержаться. Девчонка могла принять на свой счет его внезапную страсть.

Если так, то лишняя осторожность не повредит, особенно если учесть наличие этого громилы, ее друга, который, кстати говоря, сразу показался ему весьма примечательной личностью. Мало того, что он умудрился как-то проникнуть в обоз и прикинуться одним из безликих, так еще и эльфским владел безупречно. И это во времена, когда даже дикие и городские эльфы, не говоря уж о рабах, говорили с акцентом. Так что на повестке дня у него теперь было двое — немая *h'gash*, умеющая говорить ее загадочный спутник.

От раздумий его отвлекла Сайена, протянув ему свою миску с едой.

— Держи. Ты почти ничего не съел. Нехорошо с моей стороны было лишать тебя ужина.

Он кивнул в знак благодарности и принял деревянную посуду из ее рук. Что-то в ее дружелюбном тоне успокоило его. Яркие, словно самоцветы, бирюзовые глаза на мгновение задержались на его лице, прежде чем скользнуть дальше, на звездное небо. И в их глубине, где-то на самом дне, позади неуверенной полуулыбки, он увидел странную тоску, так неуместно смотревшуюся на красивом лице. Почему-то его это поразило. Он уже привык думать о ней, как о взбалмошной девчонке, странном, порой смешном чудище, не осознавая того факта, что жизнь ее скорее всего была чередой унижений, ненависти и презрения. Ей посчастливилось выжить в мире, ненавидящем таких, как она. Одни боги ведают, как ей удалось остаться такой светлой.

Что-то такое было в этом ее взгляде... что-то из далекого и давно забытого прошлого. А может быть, из другого мира. Прозрачные, ярко бирюзовые радужки драгоценными камнями переливались в свете костра, то и дело, отражая огненно-оранжевые блики. Совсем недавно, в другом мире, он видел похожие глаза. И они заворожили его настолько, что впервые за сотни лет он позволил себе расслабиться. И жестоко поплатился за это...

Много долгих лет он искал в Гипносе синего дракона и его губительное пламя. Древний дух, когда-то служивший его отцу, исчез после падения Тиаммарана. А затем внезапно объявился почти двести лет назад в Гипносе. Разве мог он упустить такой шанс?!

Братья не поняли его одержимости прошлым и отказались помогать. Лисы, его друзья и

соратники, тоже не сумели разглядеть возможности и попытались его урезонить. И тогда он ушел. Бросил все и отправился по следам зверя в надежде приручить его с помощью заговора, оставленного отцом.

Но дракон, казалось, сошел с ума. Год за годом он появлялся в самых неожиданных местах, уничтожая себе подобных. Все, кто попадал в его пламя, навсегда исчезали из мира снов. Сновидцы, духи, даже порой обычные люди, имеющие сильную связь с Гипносом. Куда девалась их энергия, он никак не мог понять. Обычно, если дух погибал, он просто возвращался в Гипнос, и возрождался в каком-то другом виде. Сновидцы же и простые обыватели вообще не должны умирать во сне. При любой опасности они должны просто проснуться.

Однако, до него доходили слухи об участившихся в последнее время странных смертях, когда поутру родственники и друзья обнаруживали лишь остывшее тело без каких-либо признаков насильственной смерти, но с чудовищными рубцами от ожогов. Несомненно, случаи эти были связаны с сапфировым драконом и его пламенем.

Узнать удалось не много. Когда погиб отец, заговор, удерживающий зверя, был уничтожен, а управляющий медальон погас. Братья взяли за оружие и долгие столетия командовали эльфскими партизанами. Постепенно, их пути разошлись. Эллас с Айрасом основали поселения вдалеке от человеческих городов, забрав с собой части медальона, Фирлас остался в лесах, а вместе с ним и слова заговора, которому отец успел обучить только его. И, насколько он понимал, словами можно было пользоваться и без медальона. Просто действие их было слабее без фокусирующего кристалла.

Если бы ему удалось заполучить дракона, война, которую они вели непрерывно на протяжении долгих сотен лет, была бы, наконец, завершена. Люди поплатились бы за долгие годы рабства и унижений, за погромы и издевательства, за каждого убитого ребенка и изнасилованную женщину!

Легче всего было отследить зверя через Гипнос, где он появлялся все чаще. Дракон жил в обоих мирах одновременно, а значит, обнаружив логово там, очень легко было отыскать его в реальности.

Поиски растянулись на долгие столетия. Где только он не успел побывать. Обошел пешком практически все северные земли, включая далекие Нум и Ниссират где-то за полярным кругом, пока, наконец, поиски не привели его в далекие южные земли, в город Ниами, столицу шаирских племен. Именно там он впервые столкнулся с безликами и их странным культом. И с драконом.

Как оказалось, зверь теперь подчинялся главе культа — старой женщине в белой маске. Несколько раз эльф видел его на расстоянии, но подойти ближе не решался.

И вот, пару месяцев назад он последовал за безликами обратно в северные королевства. Чутье подсказывало, что засуетились они неспроста. Такой большой отряд не мог так просто уехать спешке. Дракон должен был отправиться с ними.

Он выждал около недели и двинулся следом, выслеживая их передвижения через Гипнос. В конце концов, хаотичные блуждания по миру снов привели его в огромный город, сверкающий разноцветными огнями. Здесь в самом разгаре был грандиозный фестиваль. Духи, казалось, стекались сюда со всего Гипноса. Один даже принял форму полноводной реки, протекавшей через город. Такое мощное скопление энергии просто не могло не привлечь дракона. И Фирлас отправился шататься по улицам, разглядывая прохожих и ожидая появления своей цели.

Вскоре, нарядная толпа вынесла его на набережную, где на большом перекрестке расположилась небольшая круглая арена, заполненная песком. Несколько духов в образе прекрасных эльфов танцевали под затейливый барабанный бой. Огромная толпа зевак окружила арену плотным кольцом. Фирлас не стремился разглядеть танцовщиц поближе, слишком много подобных танцев он успел повидать. Он стал медленно обходить толпу, периодически поглядывая на арену.

Вдруг барабанный бой стих. Легкие, словно лучики, духи выскользнули из круга и растворились в воздухе. Эльф скользнул взглядом по начавшей расходиться толпе. Именно тогда он заметил ее. Красивая рыжеволосая *h'gash* спешно сбрасывала мягкие замшевые сапожки на противоположном от него краю арены. Рядом с ней недовольно хмурился ее спутник. Оба духа были так прекрасны, что сразу же привлекали к себе внимание. Наконец, девушка победила непослушную обувь и мягкой кошачьей походкой, босая вышла на песок. Непроизвольно Фирлас задержал на ней взгляд, так и норовивший зацепиться за казавшуюся нереальной красоту. Через минуту он уже протискивался поближе к арене. Что-то в этом духе зацепило его. Что-то неуловимое... будто давно знакомое.

Скользнув бирюзовым взглядом по толпе, девушка опустила голову. Музыканты, словно по команде, начали настукивать новый ритм. Первые удары, похожие на биение сердца, сменил бодрый, витиеватый бой и незнакомка пошевелилась. Сначала ритм поймали руки. Они то извивались змеями, то изгибались, словно птичьи крылья в такт барабанам. Затем, в движение пришли плечи, бедра.... Босые ноги начали свое причудливое движение, выбивая песочные фонтанчики из покрытия арены. Звенели самоцветные подвески на широком кожаном поясе, на запястьях плясали серебряные браслеты. Длинные рыжие волосы, заплетенные в несколько кос, вихрем кружились вокруг танцовщицы. А бирюзовые глаза горели неведомой смертным страстью.

Фирлас почувствовал, как к горлу подступает ком. Именно так танцевали жрицы древности. Он видел всего один их танец, давным-давно, в детстве. А сейчас, похоже, он наблюдал духа, посвятившего им свое существование. Раз существуют воплощения мудрости, стойкости, добродетели, любви, почему бы не существовать духу танца?

О, сколько бы он отдал, чтобы сейчас оказаться наедине с ней. Даже нет, не так! Он готов был отдать все, чтобы она танцевала только для него одного. Смотрела только на него. Прикасалась только к нему...

Но, увы, танец привлекал к себе все больше зрителей. Уже через пару минут арену окружило огромное количество всевозможных существ. Духи и сновидцы всех мастей и разновидностей с жадностью впитывали в себя каждое движение незнакомки. Если дракон появится, то первый удар будет нанесен именно сюда, в это небывалое скопление энергии. Но разве мог он позволить уничтожить такое прекрасное существо? Нет и еще раз нет!

Не сводя глаз с танцовщицы, Фирлас начал медленно перемещаться вдоль арены в поисках ее спутника. Красивый юноша обнаружился на том же месте, где и прежде. С неприкрытым обожанием и какой-то тоской он, словно зачарованный, наблюдал за кружащейся в танце девушкой.

— Эй, приятель, — Фирлас тронул духа за плечо, — если хочешь спасти ее — уведи отсюда сейчас же.

Юноша, похоже, не сразу понял смысл его слов. Словно в трансе, он ловил каждое движение девушки, потому на предупреждение поначалу не отреагировал. Медленно, будто нехотя, он стряхнул с себя наваждение и бросил испуганный взгляд на свою спутницу. Он

хотел что-то спросить, но Фирлас уже растворился в толпе, продолжая наблюдать за танцем.

На арене же творилась какая-то фантазмагория. Ритм все ускорялся, движения танцовщицы теперь сливались в один бурный поток, вздымая вокруг нее прозрачную серебристую воронку. И вот, на пике скорости, барабаны вдруг смолкли, а воронка взвилась вокруг танцовщицы песчаным вихрем. Когда песок осел, запыхавшаяся, но счастливая девушка осталась стоять на арене. Возможно, она танцевала бы так всю ночь, но ее спутник, похоже, решил внять его словам и спасти свою подругу. Он решительно схватил ее за руку и потянул прочь в лабиринт переливающихся огнями улочек. Фирлас облегченно вздохнул.

В этот же миг, над городом со свистом пронесся синий зверь и вскоре все вокруг запылало. Эльф какое-то время наблюдал за творящимися в Гипносе разрушениями, пытаясь вникнуть в природу происходящего. Однако, из головы все не шел удивительный танцующий дух, незнакомое, щемящее чувство где-то в районе солнечного сплетения не давало как следует сосредоточиться. В конце концов, он разочарованно вынырнул из сна, обнаружив себя окруженным отрядом безликих.

Измучению его не было предела, когда в это же утро стражи бросили в его клетку девушку, как две капли воды похожую на дух из его сна. И теперь, пообщавшись с ней пару дней, он до сих пор не понял, могла ли она быть той самой танцовщицей. Когда она впервые встала перед ним во весь рост, он сразу же отметил подтянутость ее фигуры, узкую талию, округлые бедра и небольшую соблазнительную грудь, так смело выглядывавшую из проема порванной и наспех завязанной рубахи. Движения ее были легки и грациозны, причем, похоже, особых усилий для этого она не прикладывала. Смущала лишь ее немота и строптивый характер, так странно сочетавшийся с неприкрытой добротой и состраданием. Всего за пару дней знакомства она успела удивить и разозлить его уже несколько раз, что никому не удавалось уже довольно долго. Не *h'gash*, а сплошная загадка.

— Да, приручить тебя было бы, пожалуй, интереснее, чем этого дракона, — вполголоса пробормотал он, глядя на укладывающуюся спать девушку. Стоп! Спать? Неужели она всерьез решила, что разговаривать он не намерен?!

— Эй! — он легонько дернул за соединявшую их цепь, — Я могу поговорить сейчас, если хочешь.

— Завтра, — не поворачиваясь пробормотала девушка, — Устала ужасно... И тебе советую, Огонек сегодня уже не придет. Он не нашел замену нашей цепи.

— Откуда знаешь?

— Он сказал... мысленно. Мы так общаемся. — она умолкла и сонно засопела.

Вот те на! Мысленно они общаются, как же! Да ни один сновидец не обладает таким даром, что уж говорить о простых обывателях! Либо она патологическая лгунья, либо у нее не все дома, и она действительно верит в то, что говорит. Хорошо хоть сдвиг у нее пока безобидный...

Усмехнувшись собственным мыслям, он вздрогнул от порыва ледяного ветра, вмиг сдувшего все тепло, навешанное костром. Единственное их одеяло забрала свернувшаяся на земле Сайена. Он хотел было снова переждать ночь в легком трансе, чтобы не чувствовать холода, но вспомнил как чуть не замерз насмерть не далее, как пару дней назад и решил не рисковать снова. Мало ли, как эта сумасшедшая отреагирует на этот раз.

Он на четвереньках подполз к Сайене, стараясь громко не звенеть цепью. Край одеяла был зажат под ней, а спать по такой холодине в легкой одежде было бы самоубийством. Так что делать было нечего, кроме как будить девушку.

— Эй, — тихо позвал он. Реакции не последовало. — Эй, *h'gash!* — на этот раз он немного повысил голос и легонько притронулся к ее плечу.

— Ммм? — сквозь сон протянула она.

— У нас как-никак одно одеяло на двоих. Делись.

В ответ он был удостоен лишь сердитым сонным взглядом.

— У меня между прочим имя есть, больше на «Эй» и «*h'gash*» отзываться не буду, так и знай. — пробурчала она, высвободила край одеяла и бросила ему.

Свободного края пледа оказалось так мало, что ему пришлось чуть ли не вплотную прижаться к девушке, чтобы под ним как-то уместиться. Непонятно как она, такая маленькая, умудрилась использовать почти все одеяло, размерами предназначенное как минимум на троих. Он еще какое-то время покрутился, устраиваясь поудобнее. И все же заснуть лежа чуть ли не в обнимку с красивой девушкой, никак не удавалось. Перепробовав в уме несколько самых действенных способов, он в конце концов поймал себя на том, что думает о том, как же приятно, предки возьми, она пахнет и как сильно хочется прижать ее к себе покрепче. А потом... хм.

Но закружившие его теплой волной приятные мысли резко прервало прикосновение холодного металла к горлу. Тихий, вкрадчивый голос прозвучал у самого уха.

— Только пальцем ее тронь...

— Да я не... — попытался воспротивиться Фирлас. Но острое еще плотнее прижалось к его коже.

— Вылезай оттуда! — прошипел голос. Ему больше ничего не оставалось, как молча повиноваться. Он осторожно выполз из-под одеяла, снова оказавшись на ледяном ночном ветру. Рядом на корточках, сидел его новый знакомый, Огонек, как называла его Сайена. В руках его красноватыми бликами сверкал длинный изогнутый кинжал. Разобрать его выражение лица мешала белая маска, лишь голос выдавал едва сдерживаемый гнев:

— Не смей прикасаться к моей Йене!

— Никто к ней не прикасался, угомонись уже! Я просто не хотел мерзнуть. К тому же не далее, чем вчера утром, она рассердилась, когда я оставил все одеяло ей.

В ответ его собеседник хмыкнул.

— Да, на нее это похоже. Но я все равно тебя предупреждаю, эльф... Не смей даже думать о ней! Я принес тебе второе одеяло, так что тебе нет нужды искать тепло в ее объятиях.

Фирлас почувствовал, что теряет контроль. Он ненавидел, когда ему указывали. Да кто он вообще такой, что имеет смелость говорить о ней, как о своей собственности?!

— Я буду думать, о ком захочу, — отрубил он. — Это вообще не твое дело!

Мгновение, и белая маска оказалась на уровне его глаз, а кинжал снова прижался к незащищенному горлу. На этот раз его собеседник буквально шипел:

— Все, что касается Йены — мое дело!

Маска исчезла так же быстро, как появилась. Неестественно легкие движения и ледяной голос этого парня заставили эльфа почувствовать себя не в своей тарелке. Даже мурашки по спине побежали... Ну и парочка!

Фирлас недовольно фыркнул, завернулся в оставленное для него одеяло и отодвинулся подальше от объекта гипертрофированной опеки своего недавнего собеседника. Жаль только, что проклятая цепь не позволяла уйти на другую сторону лагеря.

Утро застало обоз в пути. Еще до рассвета, безликие грубо растолкали своих не выспавшихся, промерзших до костей подопечных, и без кормежки, сразу же погрузили на повозки. Похоже, что слова Огонька подтвердились, и сегодня действительно намечался последний переход, потому что другой причины для такой спешки Фирлас не находил. Безликие торопились, чтобы до вечера быть на месте.

Обоз тянулся по длинному ущелью в сторону перевала. Где-то там, на заснеженных склонах Драконьих гор, стоял величественный Небесный дом, возведенный в незапамятные времена теми, кто жил до людей, эльфов, гномов... от того народа не осталось даже названия, лишь пара странных заброшенных сооружений. Таких построек сохранилось всего три или четыре в разных частях света. Но Небесный дом был единственным, где еще жива была древняя магия. Именно она не позволяла вошедшим под его массивные своды доставать оружие, колдовать и даже драться на кулаках. Какая-то неизвестная, доселе толком не изученная сила парализовала всех, кто собирался нанести вред ближнему. Можно сказать, это было самое удобное и безопасное место на севере для проведения каких-либо переговоров и заключения сделок. Вот почему именно этот замок был избран для собрания представителей всех государств и народов раз в десять лет для обсуждения политической и экономической жизни Орсики, Талонии и вольных городов.

Давным-давно ему пару раз посчастливилось попристутствовать на подобных мероприятиях, однако на этот раз он совершенно не узнавал дороги, по которой их везли. Похоже, безликие нашли некий альтернативный маршрут через горы, дабы раньше времени не повстречать делегатов, прямо сейчас съезжавшихся ко Дворцу со всех сторон света. Проклятые сектанты что-то задумали и, похоже, вскоре им предстояло на собственной шкуре прочувствовать, что именно.

Его спутница все утро дремала, целиком закутавшись в теплое одеяло и, похоже, не собиравшись больше с ним разговаривать. Под глазами ее залегли глубокие тени, гематома на щеке пожелтела, а волнистые медные волосы окончательно спутались в бесформенную копну. Невероятно, но даже в таком виде, она была очаровательна. То и дело неподалеку от их клетки возникал знакомый силуэт ее друга, и, убедившись, что все в порядке, снова исчезал. Фирлас устроился подальше от своей спутницы во избежание новых конфликтов с этим парнем, но занял позицию так, чтобы удобно было рассматривать ее лицо. Его все утро так и подмывало заговорить, и каждый раз он строго одергивал себя. Нужно было молчать, чтобы создать интригу. Женщины падки до всяких тайн. А уж до таинственных мужчин и подавно. Однако девушку вся эта его внутренняя борьба, похоже, никак не трогала. Лишь изредка она лениво приподнимала веки, быстро осматривала местность и снова впадала в свою усталую дрему.

По прошествии пары часов он сдался:

— Эй *h'gash*! Я все еще жду обещанного мне общения с чудищем.

Никакой реакции с ее стороны не последовало.

Эй! — позвал он громче.

И снова никакой реакции. Она лишь раздраженно нахмурилась и отвернулась в противоположную от него сторону.

Тогда он решил пойти другим путем и наклонился поближе, так что почти касался

губами ее уха и заорал:

— Сайена! Поговори со мной!

Девчонка подскочила, как ужаленная, непроизвольно потащив его с собой за короткую цепь. Ему пришлось вскочить на ноги вслед за ней. А так как он был на две головы выше, то больно приложился макушкой о стальную решетку повозки.

— Ты чего орешь?! Я и в первый раз отлично слышала. — ее раздраженный шепот больше напоминал шипение разъяренной кошки.

— Если слышала, могла бы и отозваться, не пришлось бы орать, — хмуро потирая ушибленное место, пробурчал он.

— А ты мог бы и перестать называться меня «эй», как дворовую девку. Тогда глядишь, и отозвалась бы. — нравоучительным тоном прокомментировала девушка.

— С чего бы, на вид ты не особо от нее отличаешься, — ядовито прошипел он в ответ.

— Чурбан невоспитанный!

— *R'rashha!*

В воздухе повисла тяжелая тишина. Сайена смерила его ледяным взглядом и отвернулась, с головой укутавшись в одеяло. Он ответил ей тем же. До чего же легко эта девчонка могла вывести его из равновесия! И ведь ничего такого уж страшного, по сути, она не сделала, но почему-то все равно продолжала периодически дико его бесить. Особенно, когда вот так упрячилась. Он глубоко вдохнул. У него давным-давно сложилась своя дыхательная техника, помогающая быстро успокоиться. Так что уже через пару минут гнев отступил, оставив лишь неприятную тяжесть где-то в районе сердца.

Нужно было мириться, иначе он рисковал так никогда и не услышать ответов на свои вопросы, заинтриговавшие его настолько, что заставляли поступиться даже хваленной эльфской гордостью.

— Йена..., — осторожно начал он, будто пробуя на вкус ее имя, — Мне скучно, давай поговорим?

Похоже, что она тоже успела прийти в себя. По крайней мере, на этот раз, соизволила сразу отозваться на его слова. Его, конечно, слегка удивил такой резкий перепад в настроении, но он дал себе слово больше не обращать внимания на ее странности.

— Для тебя — Сайена, короткий вариант еще нужно заслужить, — она с вызовом взглянула на него. Ясная бирюза ее глаз встретилась с его золотом, и на миг показалось, что он вот-вот отведет взгляд, уступит силе, на мгновение показавшейся где-то в глубине ее зрачков. Но обошлось. Она сама отвернулась, осматривая окрестности. А затем снова посмотрела на него, но на этот раз, в ее глазах были лишь привычные насмешка и ирония.

— Я хотел бы... — неуверенно начал он. — Хотел бы побольше о тебе узнать.

— С чего бы, — ухмыльнулась она в ответ.

На мгновение он растерялся. И действительно, за каким ему подробности жизни случайной попутчицы?! Но, боги, как же все-таки интересно!

— Из научного интереса, — улыбнулся он, — Ты первая *h'gash*, которую мне удалось повстречать в естественной среде обитания.

— И это по-твоему естественная для меня среда? — она обвела глазами грязную повозку и иронично приподняла бровь.

— Да вот, не знаю! Потому и интересуюсь.

— Ладно уж. Никакой тайны я из своей жизни не делаю, в отличие от некоторых. — Она многозначительно кивнула в его сторону.

А затем, она начала говорить. О своей матери — эльфской жрице, изгнанной из племени из-за ее постыдной беременности и о ее смерти. О том, как потеряла голос, как десять лет жила у шаиров и была продана в рабство знатному герцогу из Орслена. Как убила своего хозяина, заняв его место в высшем обществе. Благо, в Орсике среди знати модно носить маски, что позволяло несколько лет успешно скрывать ее происхождение. О том, как решила вернуться на родину. И как жила последние несколько лет на пустошах, и была поймана безликими, заставшими ее врасплох. Речь ее была краткой и содержательной. Голые факты, напрочь лишённые эмоций, будто рассказывала она не о своей жизни, а читала жизнеописание какого-нибудь давно забытого политика или ученого.

Однако, надо сказать, что даже в таком изложении ее биография казалась весьма насыщенной и тяжелой. Да и не удивительно, впрочем, для полукровки быть желанной добычей для всех, начиная от Ордена Тишины, оканчивая простыми охотниками за головами. Уже сам факт ее существования был чудом. Такие, как она, появлялись на свет крайне редко, еще реже доживали хотя бы до совершеннолетия.

Эту девчонку будто сами боги хранили, и он бы поверил это, не зная точно о том, что престолы их пусты. Все, кто потрудился поглубже исследовать Гипнос, видели прозрачные столпы света в самом сердце мира снов. Жаль, таких смельчаков было настолько мало, что он не встречал ни одного, хоть и видел их эхо в своих странствиях.

И все же, хоть история ее и была весьма интересна, однако, она так и не дала ответов на два вопроса мучавших его последние пару дней.

— Кто такой этот твой *Fair*, который появился, как будто ниоткуда? — спросил он сразу же, как только она закончила свой рассказ.

— *Fair*... я зову его Огонек, он... — на мгновение она замешкалась и слегка нахмурилась, будто подбирая правильные слова, — он мой друг.

— Друг?! — его удивлению не было предела, — Погоди... мне казалось вы в более близких отношениях?

На мгновение она нахмурилась, но затем ее лицо вдруг посветлело, и она со смехом замотала головой.

— Так может показаться со стороны. Наверное, — хихикнула девушка. — Но... нет. Это невозможно.

— Почему? Мне показалось...

— Показалось, да. Но все не так. Огонек, он... ему не нужны те самые «близкие» отношения, которые ты упоминал. Он не такой, как ты или я.

— То есть, вы не любовники?

— Нет. — улыбнулась Сайена, — мы друзья. Ну, как брат с сестрой или вроде того.

Говорила она искренне. Он не совсем понял причину ее внезапного веселья. Похоже, что с этим ее «братом» что-то было нечисто. Но главное — они не были любовниками! С сердца будто камень свалился.

Не то, чтобы у него самого были какие-то планы на ее счет. Слишком уж много странного происходило вокруг этой *h'gash*. Да и отвратительно это, ведь половина ее крови все равно оставалась человеческой. Все же, полукровка, хоть и красивая, остается полукровкой — продуктом противоестественного, ненормального союза. И не важно, что там думали на этот счет древние.

Так почему же, во имя богов, сердце никак не хотело успокаиваться, чувствуя ее близость?! Он глубоко вдохнул, отгоняя назойливые мысли.

— Значит, ты полностью ему веришь? Не боишься? Вдруг, он просто прикидывается? Ну, чтобы подловить момент и...

— Нет... — девушка сердито мотнула головой, — ну как ты не поймешь?

— Да вот, не пойму! — он неожиданно для себя так разгорячился, что больше не смог усидеть на месте. — Разве, он не мужчина? Мне показалось, он в тебя влюблен. А где любовь, там и... — он наклонился к ней так близко, что ее глаза оказались на его уровне. В них светилось недоверие, будто она заранее готовилась принять все им сказанное в штыки. — Сама понимаешь, не маленькая. — устало закончил он и снова опустился на свое место.

Он ждал бури после всего сказанного, но она повела себя на удивление спокойно. Лишь руки, крепко сжавшие край одеяла, выдавали ее гнев. Наконец, она кивнула каким-то своим мыслям и снова заговорила.

— Послушай меня внимательно, эльф. Кем бы он тебе не казался, он мой Огонек..., и я доверяю ему больше, чем себе. Поэтому не смей больше обсуждать его и наши с ним отношения в таком тоне. Тебе никогда не понять, что нас связывает и как он ко мне относится.

Он не нашелся, что ответить. Она была так уверена, что переубедить ее не представлялось возможным. По крайней мере, сейчас. Быть может позже, он заставит ее раскрыть глаза... Но пока что эту тему стоило замять. Что он и сделал. Лишь коротко кивнул ей в ответ, до поры соглашаясь с этим новым, навязанным ему правилом.

— У меня еще вопрос, и возможно... — он замолчал, подбирая слова, — возможно ты сочтешь его несколько странным. Но я должен его задать.

Она удивленно приподняла брови.

— Давай свой вопрос, но только учти — это последний. Я поспать хочу, пока мы не доехали. Огонек считает, что в месте нашего прибытия будет неплохой шанс сбежать.

Он глубоко вдохнул.

— Ты сновидица, а значит, тоже часто бываешь в мире снов... — начал он издалека, — скажи, ты была в Гипносе, прежде чем попалась безликим?

— Это так важно? — нахмурилась она.

— Да! Это важно! — прозвучало это эмоциональнее, чем ему хотелось бы. Но, слово не воробей... Он затаил дыхание в ожидании ее ответа.

— Я была в Гипносе, да. Каждую ночь там бываю. — недовольно пробурчала она.

Он мотнул головой. Этого было недостаточно. Нужны были детали.

— А ты, случайно, не видела там ничего подозрительного. Вроде, синего дракона?

Быть может, ему показалось, но на мгновение в ее глазах мелькнуло понимание. Однако, оно практически сразу сменилось удивлением.

— Дракона? Нет. Драконов в Гипносе не видели со времен гибели Тиаммарана. Ты сам знаешь.

— Знаю. Но ходят слухи, что один из них вернулся.

Йена помотала головой.

— Не слышала. Честно говоря, я почти не общаюсь ни с кем, ни в этом мире, ни в Гипносе. У меня там есть постоянный сон — моя маленькая хижина на Пустошах. Обычно, я провожу время там. Такой ответ ты хотел услышать?

— И да, и нет, — отозвался Фирлас. И он не солгал. Сердце болезненно сжалось от того, что сказочный танцующий дух из его сна, оказался всего лишь сном. А эта девушка, хоть и

была на него похожа, все же была просто *h'gash* с пустошей. Хотя, возможно, это даже к лучшему. Сейчас он не мог позволить себе никаких увлечений, а уж тем более каких-либо отношений. По крайней мере, пока он не найдет зверя и не попробует приручить его.

Полностью погрузиться в свои мысли ему не позволила Сайена. Она настойчиво дернула за цепь, обращая на себя его внимание. Фирлас поднял на нее вопросительный взгляд и насторожился. На лице полукровки застыло выражение ужаса. Он проследил за ее взглядом и замер.

Высоко в небесах, на фоне клонившегося к закату солнца парил дракон. Рассмотреть его цвет не представлялось возможным. Но изящные очертания мощного тела и крыльев Фирлас узнал сразу. Это никак не могло оказаться совпадением. Сапфировый дракон, несущий смерть в мире снов, появился во плоти над Дворцом Народов, куда тайно везли пленников, побывавших на фестивале духов.

Фирлас почувствовал, как зашевелились волосы на затылке. Их всех собирались сжечь! Жертвоприношение, не завершенное на празднике, будет окончено здесь, у места древней силы. А значит, пленники, Йена, да и он сам — это все, кому посчастливилось выжить в той бойне.

— Это он... — взволнованный голос Йены вывел его из ступора. Он обернулся. В бирюзовых глазах плескался страх. Она даже сбросила одеяло, напрочь позабыв о ледяном ветре.

— Значит, ты все же была на том празднике? — как можно спокойнее поинтересовался он.

В ответ девушка лишь кивнула, не сводя испуганного взгляда с дракона, продолжавшего описывать медленные круги, поднимаясь все выше в небеса. Фирлас решил воспользоваться моментом.

— Может, и на арене танцевала тоже ты?

И снова утвердительный кивок.

К щекам прилила кровь, а сердце гулко стукнуло о ребра. Прекрасный танцующий дух, огонь и страсть, покорившие его в мире снов, оказались грязной, замученной девчонкой с норовистым характером и неприятным довеском в виде этого ее «друга». И все же, это открытие заставило его посмотреть на нее по-новому. Так смотрят на только что найденный в грязи алмаз, еще не ограненный, тусклый камешек, таящий внутри себе неведомые цвета и переливы.

Йена, похоже, этой перемены не заметила. Все ее внимание было приковано к зверю. Но стоило тому скрыться за завесой высоких облаков, как она тут же вздрогнула, вспоминая о ледяном ветре и поспешно села, укутавшись в теплое одеяло. Выражение страха на ее лице сменилось глубокой задумчивостью. Похоже, он был не единственным, кому пришла в голову мысль о жертвоприношении. Потому что уже через минуту, Йена выпрямилась, окинув его на удивление спокойным взглядом. На бледном лице не было ни намека на недавно пережитый ужас.

— Поговорим о побеге? — с усмешкой спросила она.

— К чему? Я не собираюсь бежать, мне нужен этот дракон.

Она удивленно приподняла одну бровь.

— И ты после этого меня обвиняешь в безумии? Да эта животинка один раз на тебя выдохнет и даже кучки пепла не останется!

— Звучит и правда безумно, но я знаю, что делаю. Однажды, дракон служил моему роду.

Мне кажется, я нашел способ заставить его повиноваться снова.

В бирюзовых глазах мелькнул интерес.

— Ну допустим, ты приручишь его. А что будешь делать дальше? Любое оружие добывается для войны.

— Ты права, *h'gash*. Дальше будет война. Освободительная. Мой народ вернет себе былое величие, скинет ярмо. — он вдруг живо вспомнил прекрасные, величественные усадьбы, зеленые рощи и чудесные сны в поместье отца. Он видел их так давно, что эти древние образы давно превратились в покрытые пеплом тени в глубинах памяти.

— Собираешься заново отстроить древний Тиаммаран. — утвердительно кивнула она. — Благородная цель, жаль только неисполнимая. Даже с драконом на поводке.

Ее слова больно задели за живое. Он с трудом сдержал возмущение.

— Почему же?

— Потому. Эльфы, древние эльфы... Те, кто видел рассвет, их больше нет, либо они слишком стары для войн. Остались лишь безмозглые рабы, полудикие племена в пустошах да горстка фанатиков лис, разбросанная по лесам. Это с ними ты собираешься создавать государство?

— Они не так плохи, как ты о них говоришь, *h'gash*. У меня все получится, когда будет дракон. — Тонем, не терпящим аргументов, заявил он и твердо стукнул кулаком о раскрытую ладонь.

Йена осуждающе покачала головой и на минуту отвернулась, мотнув запутанной копной темно-медных волос. Он неосознанно залюбовался игрой солнечных лучей в их красноватых завитках.

Наконец, она вздохнула и снова усмехнулась.

— Я так понимаю, вы с этим драконом давние знакомые? Не то, чтобы я лезла в твои дела, но может, расскажешь о нем что-нибудь, что сможет в дальнейшем спасти мне жизнь?

На минуту он задумался, пытаясь припомнить события многолетней давности. Впервые он услышал о драконе от отца еще в детстве. Феор, бог мудрости, покровитель его рода, подарил зверя его деду еще в начале человеческий войн. Но что именно он мог делать, кроме как дышать пламенем, он не знал. Возможно, этой информацией обладал кто-то из его братьев, или нынешняя хозяйка дракона, безликая старуха.

Правда, безликие тоже зверем почти не пользовались. Долгое время они занимались исключительно работоторговлей. Но его внимание привлек тот факт, что рабов они предпочитали исключительно со сновидческими способностями. И это было странно, ведь всем известно, что рабы из сновидцев никудышные, непокорные и капризные. А зачастую и опасные, если, конечно, не держать их все время в двумерите.

Он проследил за несколькими их обозами и обнаружил, что большая часть купленных рабов отправляется в Ниямн. И уже через несколько месяцев их распродают на местных рынках по огромной цене, как элитных слуг, секретарей и компаньонов.

Рабы-сновидцы быстро вошли в моду. Спустя пару месяцев такие экземпляры были практически у каждого дворянина Свободных Городов. Перемены последовали сразу.

Шаиры, рабовладельцы, первыми предоставили разрешение на деятельность культа на своих территориях. Затем, его примеру последовали и остальные. Уже через пять лет многие государства так же предоставили им свои разрешения, а некоторые даже земли. Лишь Орсика, средоточие Ордена Тишины, да консервативные Городни пока запрещали на своей территории деятельность культов.

Однако, с каждым годом, дракон появлялся все чаще. Даже духи в Гипносе, говорили о «пустых людях, которые не видят снов» и «синей смерти». Никто не знал, откуда появились эти слухи. В мире снов очень сложно отследить источник чего-либо. Да и духи выражаются очень образно, так что вытащить из них конкретную информацию практически невозможно.

Время шло, культ набирал обороты, но больше никуда не сошелся, ни в политику, ни в культуру. Вскоре, после возвращения на север, до него дошли и слухи о сновидцах, получивших во сне ожоги от синего пламени. Он сразу же отправился на их поиски и нашел... пустующие дома, разрушенные семьи. Соседи и родственники утверждали, что пострадавших забрали люди в белых масках, якобы, на лечение. Однако, в некоторых случаях жертв забирали и силой. Так он узнал о безликом караване, прошедшем через всю Орсику и словно магнитом собравший множество сновидцев и других чувствительных к Гипносу людей и эльфов. Чуть позже он понял, что единственным способом подобраться ближе к дракону, было проследить за культистами.

— ...Я попал на фестиваль в поисках дракона, но нашел там тебя. — Он тепло улыбнулся, вспоминая танец на арене, зачаровавший его и неожиданно для самого себе разоткровенничался, — Твой танец... он был прекрасен настолько, что привлек к себе небывалое количество народу. А я зазевался и сумел предупредить твоего Огонька, лишь когда уже почувствовал приближение дракона. Сам, правда, едва успел скрыться и схлопотал ожог. По нему меня и нашли. Проснулся уже в плотном кольце безликих.

За все время его рассказа, она не проронила ни слова. Лишь выражение ее лица менялось от глубокой задумчивости, до крайнего удивления. Когда он закончил говорить, девушка задумчиво потерла подбородок и недоверчиво спросила:

— Так значит, Огонек увел меня потому, что ты его предупредил?

— Да, если не веришь — спроси его. Он меня не видел, я говорил из-за плеча. Но вспомнить должен.

Она серьезно кивнула и вдруг стащила рукав своей рубахи вместе с одеялом. На нежной коже предплечья горел алый рубец.

— Значит, он тебя все же задел... — не спросил, а скорее прокомментировал Фирлас.

— Да, и теперь, после твоего рассказа, мне кажется, что это такая метка. По ней они отслеживают и собирают всех, кто не погибает в огне. Я думаю, это какой-то ритуал, потому очень важно сжечь всех, кто оказался в поле его действия.

Фирлас утвердительно кивнул, про себя удивляясь ее прозорливости.

— Думаю, ритуал мы увидим очень скоро. — усмехнулся он и кивнул на быстро приближающийся пик горы, приютивший на своем противоположном, пологом склоне величественный Небесный дом.

— Надеюсь, ты меня извинишь, если я не стану задерживаться на это представление.

Йена лукаво сверкнула глазами, улыбнулась уголками губ и прикрыла глаза, устаиваясь поудобнее. Через минуту она уже тихо посапывала под теплым шерстяным пледом, а Фирлас напряженно всматривался в спокойные черты ее красивого лица, стараясь понять, насколько сильно эта девчонка может изменить его судьбу. И насколько сильно она уже ее изменила.

Солнце давно село, когда обоз, повозка за повозкой, вкатился на огромную ровную площадку внутри гигантской пещеры прямо под Дворцом Народов. Стража гарнизона, постоянно занимавшего дворцовые казармы, вряд ли знала о наличии этого подземелья, потому что он не заметил ни одного солдата в алых латах. Лишь безликие в черных робах или доспехах, в зависимости от рода занятий, сновали туда-сюда мимо повозок.

Он решил взять пример со своей новой знакомой и немного вздремнуть. За несколько дней пути они порядком вымотались. К тому же, истощение и холод в последнее время все чаще давали о себе знать. Фирлас не обращал бы на все это внимания, не будь с ним рядом девушки. Выглядела она с каждым днем все хуже. Под глазами залегли глубокие тени, неожиданно сделав их еще выразительнее, волнистые волосы окончательно спутались, зато огромный ушиб на щеке стал понемногу уменьшаться. Так что улыбка теперь все чаще мелькала на красивом лице его спутницы.

Из клеток их выпустили лишь спустя час, когда закончили разгружать тюки и ящики с грузовых тележек. Однако, на этот раз традиционный загон сооружать не стали. Вместо этого всех пленников загнали в одну огромную клеть, скрытую от глаз в дальнем и самом темном углу большой залы, который представляла собой пещера. Когда они с Йеной вошли внутрь, все остальные тут же шарахнулись в дальний угол и там затаились небольшой грязной и дурно пахнущей кучкой. Йена же и бровью не повела, лишь иронично хмыкнула и уселась на каменный пол неподалеку от двери, не забыв предварительно подстелить на него увесистую охапку соломы. Фирлас последовал за ней. Цепь, скрепляющая их, все еще была на месте, так что он не смог от нее оторваться, даже если бы захотел.

То и дело он ловил на себе сочувственные взгляды других эльфов, а порой даже и людей. Они всерьез считали, что он по сути уже труп, раз связался с эдаким кошмаром во плоти. Почему-то, мысли об этих людях не веселили его так, как его новую знакомую. При виде этой безобразной кучи глупцов он чувствовал лишь легкую брезгливость да периодические приступы гнева при виде их искаженных страхом лиц. Нет, девица, конечно, не подарок, характер у нее дикий, да еще эта манера держаться... Но было в ней что-то такое, чего он не встречал в людях уже много лет — живой ум, искренность... поразительная сила, таившаяся где-то на дне удивительных бирюзовых глаз.

Вот и сейчас она сидела посреди грязной клетки, закутавшись в простой грубый плед неопределенного цвета, лохматая и чумазая, но взгляд ее оставался ясным, а осанка прямой и гордой. Он с улыбкой окинул ее взглядом. Современные эльфы, будучи потомками древних, задирали нос перед всеми. Однако, ни один из них не внушал величия так, как эта никому не известная *h'gash* с диких пустошей, наделенная такой моральной силой, какой позавидовал бы любой из его народа. Как бы сильно она его порой не бесила, он просто не мог перестать ей восхищаться. Сейчас стыдно было вспомнить, что первой его реакцией на нее была брезгливость и отвращение, от которых сейчас, спустя всего несколько дней, не осталось и следа.

Неподалеку от клетки появился знакомый безликий в черном плаще, подбитом горностаем. Фирлас отметил, что на этот раз Огонек прихватил с собой оружие. Йена долго, сосредоточенно смотрела в пол перед собой, затем коротко кивнула, и безликий снова растворился в толпе своих двойников.

— Огонек говорит, что ночевать будем здесь. К утру они ожидают какую-то Многоликую, так что всю ночь будут заняты приготовлениями в главном зале. А это значит, будет отличный шанс смыться. И еще говорят о ритуале, который она проведет завтра, когда

начнется Собрание Народов.

— Что за ритуал?

— Без понятия, — пожала плечами девушка, — никто не знает. Их проинструктируют завтра с утра.

Она вдруг посерьезнела.

— Не передумал насчет побега?

— Нет, — в ответ он упрямо мотнул головой, — я должен попытаться, другого шанса может не появиться.

Йена устало вздохнула.

— Дело твое. Думаю, нам пока стоит поспать. Этой ночью будет отличная возможность убраться отсюда подальше.

Но, устроиться поудобнее им не дали. Через несколько минут среди сновавших туда-сюда безликих появилась группа, отличавшаяся от остальных. Их черные доспехи были покрыты замысловатыми узорами, а белые маски являлись одновременно еще и забралами к небольшим шлемам с высокой маковкой. У многих в руках были большие молоты.

Чувство внезапной тревоги охватило его при виде этих людей. И, как оказалось, не зря.

Безликие толпой ввалились в клетку и не теряя ни минуты, стали деловито растаскивать скованных парами пленников подальше друг от друга. Первыми под руки им попали эльфы, которых люди выпихнули вперед. Молодая девушка, та самая, которую Йена на днях вытащила из-под наемников, была связана цепью с пареньком ее возраста. Судя по семейной схожести, тот приходился ей братом или кузеном. Паренька схватили двое дюжих громил. Третий же, хорошенько размахнувшись, опустил молот на его правую ногу чуть пониже колена. Раздался отвратительный хруст. Паренек взвыл, девчонка упала без чувств, а остальные пленники подняли крик. Женщины рыдали, мужчины громко ругались, некоторые молили о пощаде.

Ту же процедуру безликие повторили на остальных. Они сломали одну ногу каждому мужчине. Женщин не трогали. По всей видимости, это было их средство предотвращения побега, пока вся охрана была занята приготовлениями к ритуалу.

Когда очередь дошла до него, Фирлас лишь сильнее сжал зубы. Избежать общей участи он никак не мог, потому сопротивляться было бессмысленно. Не хотелось привлекать к себе лишнего внимания. Боли он не боялся, но, когда молот с хрустом опустился на ногу, непроизвольно дернулся, а из горла вырвался непрошенный стон. На мгновение потемнело в глазах, а когда он их снова открыл, то увидел перед собой бледное, взволнованное лицо Йены. Нога болела так, что было тяжело дышать. Он постарался сделать привычные дыхательные упражнения, чтобы успокоиться, но ничего не вышло. Боль блокировала любые попытки мыслить трезво. Сознание периодически уплывало куда-то во тьму.

Он тихо застонал, и вдруг почувствовал, как девушка аккуратно взяла его руку в свои ладошки и легонько сжала.

— Потерпи, *mie viranas*, нужно чтобы они отошли подальше. И я помогу тебе.

От ее прикосновения боль уменьшилась. Он все еще не мог нормально соображать, но уже хотя бы обрел контроль над собственным сознанием, так и норовившем отключиться всего несколько секунд назад. *Mie viranas...* Она назвала его своим другом. Было ли это просто вежливостью, или они действительно успели настолько сильно сблизиться за какие-то пару дней? Он настороженно всматривался в ее лицо, но так и не обнаружил там ничего, кроме злости. Даже если она жалела его, то виду не показывала, будто знала, как он

ненавидит жалость. Необычайно яркие, бирюзовые глаза сердито смотрели вслед безликим, в то время, как руки нежно гладили его пальцы. И от этих легких прикосновений на душе потеплело, а сердце застучало быстрее.

Когда их мучители оказались на приличном расстоянии, девушка внезапно отпустила его руку. Непроизвольно он потянулся за ее вмиг ушедшим теплом. Но, не заметив его жеста, Йена внимательно осмотрелась вокруг и аккуратно отвернула поясок на своих брюках, резко дернув за подкладку. Послышался треск разрываемой ткани и на свет появилось несколько тончайших металлических пластинок длиной в руку. При ближайшем рассмотрении металл оказался чистейшим серебром. Заткнув подкладку обратно, Йена так же бесцеремонно вскрыла ткань внизу на штанине, вынув оттуда небольшой, будто игрушечный, кинжальчик и пару плоских разноцветных бутылочек.

На ее лице мелькнула победоносная улыбка, тут же сменившаяся решимостью. Она шумно выдохнула и взялась за кинжал.

Через несколько секунд его брючина была аккуратно разрезана, явив их взглядам посиневшую, распухшую ногу. Удар пришелся как раз под коленом, к счастью, не повредив сам сустав. На коже отчетливо отпечаталось ребро молота. Йена сосредоточенно засопела, рассматривая травму.

— Ты везунчик, — тихо выдохнула она, — кость просто перебита, но, судя по всему, не раздроблена. Сейчас сделаем шину и уберем боль. Думаю, даже ходить сможешь.

В ход пошел пузырек с мутной синеватой жидкостью. Чтобы унять боль, хватило всего пары капель, бережно размазанных по всей площади удара. Он знал это зелье — *morra*, или «тысяча лун». Его варили жрицы диких эльфов. Через пять-шесть часов боль вернется, а использовать его слишком часто не хотелось. Зелье вызывало галлюцинации и сильнейшую зависимость, вылечить которую было практически невозможно. Оставалось только удивляться, откуда взяла его Йена, утверждавшая, что ни с кем не общается. Из-за многочисленных запретов, достать это варево было сложно даже в Орслене, не то, что на пустошах. Он был бы не прочь заполучить и себе бутылочку.

Усилием воли он отогнал посторонние мысли и стал наблюдать за своей спутницей. Она лихорадочно оглядывалась, в поисках сносного материала для шины. Но в клетке, кроме соломы и стонущих пленников, больше ничего не было. Йена сердито нахмурилась и на минуту уставилась в пол прямо перед собой. А еще через мгновение, у клетки появился Огонек. В руках его было несколько ровных реек и широкий кусок шелка. Не произнося ни слова, он бросил все это на пол и молча удалился.

Наложения шины он не запомнил. Его накрыл наркотический эффект зелья и целый час перед глазами медленно проплывали воспоминания о невероятно красивом танце в мире снов, о поцелуе, закончившимся увесистым ударом по голове и о теплых бархатных ладошках, всего несколько минут назад державших его руку. В реальность его вернула все та же боль. Только, теперь она была намного глуше. В голове посветлело, дышать стало проще.

— Легче? — поинтересовалась сидевшая рядом девушка.

— Да. *Mie reven, Saiena!* — севшим от боли голосом, пробормотал он.

— Пожалуйста! — с улыбкой кивнула та. — Мы уходим через пару часов, идем с нами, в последний раз прошу.

Предложение было заманчивым. Надежды заполучить дракона таяли на глазах. Сначала эти оковы, отобравшие у него магию, теперь нога... Но, он понимал, что не простит себя, если не попытается. А смерть, с ней он смирился давным-давно. К тому же, он будет обузой,

и ее шансы благополучно выбраться неотвратимо снизятся.

Потому, он привычно мотнул головой.

— Нет. Либо я заполучу этого дракона, либо умру. Другого не дано. Да и терять мне нечего.

На мгновение, ему показалось, что в бирюзовых глазах мелькнуло сожаление. Но уже через секунду, она кивнула, всем своим видом показывая, что уважает его решение.

— Ну что ж, тогда прощай, *mie viranas*. Я была рада знакомству.

— Прощай. — кивнул он и уже открыл было рот, чтобы что-то добавить, но слов вдруг показалось недостаточно, чтобы выразить то, что тяжелым камнем легло на душу. Потому он лишь молча кивнул и закрыл глаза.

Внутри него впервые за многие столетия ожили чувства, которые, как ему казалось, были давно забыты и похоронены. Желание спасти свой народ, поймать дракона, столкнулось с почти непреодолимой тягой к этой женщине и какой-то почти физической необходимостью последовать за ней. Огромными усилиями он затолкал чувства поглубже. Это удалось сделать, лишь сосредоточившись на ноющей боли в ноге.

Спокойствию Йены можно было только позавидовать. Через десять минут она уже мирно посапывала рядом, а он все не мог выкинуть из головы дурные мысли, с завидной настойчивостью лезшие в голову. Наконец, поёрзав на месте больше двух часов, он все же заснул. Однако, какой отдых мог быть без сновидений!? Он совсем не ощущал мира снов, так что проснулся совершенно разбитым.

Разбудила его какая-то возня, и открыв глаза, он увидел Йену, увлеченно ковырявшую чем-то в замке наручника у него на руке. При ближайшем рассмотрении это оказалась тончайшая полоска стали, типа струны. Заметив движение, она оторвалась от своего занятия и улыбнувшись, приложила палец к губам. Он кивнул и вдруг осознал, что в пещере необычно светло. Взгляд его метнулся ко входному проему, через который вчера заезжал обоз.

Снаружи уже рассвело. Длинные лучи восходящего солнца красиво пронизывали пыльный полумрак пещеры. Несколько безликих сновали туда-сюда по открытой площадке перед входом. Похоже, ее расчистили за ночь. Там же в две шеренги выстроились безликие в красивых доспехах. Те самые, что издевались над ними вчера вечером.

Жмурясь от яркого света, он снова перевел взгляд на Йену и тут его осенило.

— Уже утро! Ты почему еще здесь?!

— Тсссс! — зашипела она в ответ, — Говори тише. Мы с Огоньком подумали, что с нашей помощью твои шансы против дракона значительно возрастут.

— Ты с ума сошла?! — гнев и страх вихрем взметнулись в его душе, оттесняя на задний план все разумные мысли.

Глупая, ненормальная *h'gash*! Связываясь с этим зверем, он почти что шел на верную смерть, она это понимала, и все же решила присоединиться. Ради чего? Ради славы? Власти? А может ради любви? Хотя, какая здесь может быть любовь?! Он сердито уставился на свою спутницу, не зная, что еще сказать.

— Ну, ты же сам называл меня безумной, так что теперь не жалуйся.

На губах ее играла легкая улыбка, взбесившая его еще больше.

— Уж не думаешь ли ты, что я не справлюсь сам? Вот только жалости какой-то дикарки мне не хватало! — в его голосе слышались опасные нотки. Так сильно он не сердился уже давно и сдержаться никак не получалось.

— Ну что ты, ты ведь такой сильный. И не ел несколько дней нормально, и нога у тебя

героически сломана, и даже двимеритовый браслет на руке полностью блокирует магию. Ну просто какой-то герой из древней саги во всеоружии! — ядовито усмехнулась Йена.

— Это не твое дело! Ты мне не нужна! — взбешенно прошипел он.

— Не мое, согласна, — неожиданно утвердительно кивнула она, при этом сердито сверкнув глазами. — Но, если ты не забыл, на мне до сих пор его метка — этот проклятый рубец от огня. Даже если я уйду сегодня, меня найдут по нему позже. И тогда, в одиночку, у меня будет ни единого шанса. Может, я тебе и не нужна, зато ты нужен мне! Так что заткнись и прекрати размахивать руками! Здесь сложный замок.

И она, вернувшись к отмычкам в его наручнике, стала сердито ковырять неподдающийся запор.

Фирлас дернулся было, чтобы встать, но сломанную ногу пронзила резкая боль. Это, в купе со словами Йены подействовало, как ведро ледяной воды. Страх и негодование исчезли, будто и не бывало. Их сменила неожиданная волна нежности и благодарности. Может быть, она и делала все это ради него, но не стала это демонстрировать. Для его удобства она придумала другую цель — свою, обычную эгоистичную цель — одним махом избавиться от дракона и назойливого внимания культистов. Похоже, она считала его попросту неспособным оценить и принять бескорыстную помощь. Эта мысль больно полоснула по сердцу.

Он устало откинулся на солому, заменявшую им постель. Мысли все крутились вокруг его спутницы и даже дыхательные упражнения не помогли полностью от них избавиться. Как именно она собиралась помочь? Не зная ничего о готовящемся ритуале, невозможно даже составить какой-никакой план. Как ее защитить, если она сама все время лезет на рожон?

Наконец, он решил заглушить надоедливые мысли другим способом. Он приподнялся на одном локте, и какое-то время наблюдал за сосредоточенной на замке девушкой. С улыбкой он отметил, как мило она закусывает верхнюю губу, когда чем-то занята. Это напомнило ему, чем собственно она занята.

— Ты уверена, что умеешь это делать? — тихо поинтересовался он.

В ответ она лукаво улыбнулась, и торжественно продемонстрировала ему свой открытый браслет. В ответ он лишь удовлетворенно хмыкнул. Сновидица, танцовщица, а теперь оказывается, еще и взломщица...

Через пару минут замок упрямо щелкнул и открылся. Йена победоносно улыбнулась.

— Не снимай наручник, пока нет необходимости. Думаю, ты разберешься, когда наступит нужный момент, — с этими словами она поковыряла поясок на брюках и извлекла оттуда широкую серебряную полоску, свитую из тонких проволочек. Похоже, часть ночи она потратила не на отдых, а тщательную подготовку к предстоящему столкновению. Сплела себе браслет, избавила их от оков... Аккуратно сняв наручник, Йена застегнула полоску вокруг запястья, тем самым вернув в свое распоряжение магию. Затем, застегнула наручник обратно поверх браслета.

Он знаками поинтересовался, нет ли у нее еще одного браслета. На что та ответила отрицательным кивком. Ну что ж, придется импровизировать. Благо, камней вокруг валялось в достатке, с избытком хватило бы на армию бесполезных эльфов-сновидцев вроде него. Ну а слова, заклинающие дракона, можно было использовать и без серебра.

Едва Йена успела закончить свои приготовления, как в рядах близких началось какое-то волнение. Сначала они заматались, затем образовали какое-то подобие строя и вскоре

дружно пали ниц, открыв их взглядам невысокую сторбленную женщину в сером платье и белой маске, лишенной каких-либо прорезей. Маска была безупречна, но усталая походка и неловкие жесты говорили о довольно преклонных годах. Незнакомка стояла, тяжело опираясь на толстый деревянный посох, призывно воздев руку к небесам.

— Верные, адепты, посвященные! — визгливый старушечий голос эхом разлетелся по пещере, — Все вы знаете меня, как Многоликую. Но сегодня, в прекрасном дворце, оставленном нам древними, я проведу ритуал, который поведает миру не только мое имя, но и имена каждого из вас. Ибо сегодня, я снова стану богиней, а вы, каждый из вас — моими избранными детьми. И этот мир, прогнивший, словно переспелый плод падет к вашим ногам. Встаньте! Негоже моим детям валяться на земле, будто глупый скот, который сегодня отдаст жизни ради вашего возрождения.

Фирлас переглянулся с Йеной. Значит, все-таки жертвы. На ее лице особого удивления он не заметил. Видимо, ее опасения тоже подтвердились. Оставалось только надеяться, что у нее и этого ее Огонька имелся хоть какой-то план, потому что у него в голове не было ни одной связной мысли.

Безликие послушным стадом вскочили на ноги и бросились каждый к своим обязанностям. Многоликую окружило несколько дюжих молодцев и уже через мгновение она стояла перед их клеткой. Белая маска казалась темной, на фоне ярких солнечных лучей. Медленно, она осмотрела всех пленников, но когда белое лицо замерло, обращенное в их сторону, Фирлас заметил, как руки в белых перчатках сжались на рукояти посоха.

— Не может быть! — отвратительный скрежещущий голос противно резал слух. — Кровавый лис, мой давний друг! Явился за своим драконом?

Фирлас удивленно замер. Эта старуха знала его? Но откуда? Он ни разу даже близко не подходил ни к ней, ни к ее культу. Он уже приготовился говорить, когда белая маска обернулась к Йене.

— И ты привел мне наследницу. Как это мило с твоей стороны. — старуха зашлась в противном каркающем смехе. — Знаешь, за такое тело я могла бы отдать тебе дракона. Да вот только, на тебе метка, а значит, ты нужен для ритуала.

Фирлас поймал обращенный на него взгляд Йены. В нем был страх, разочарование, вопрос... После таких слов не удивительно, если она сочтет его предателем. Старуха предлагала служить ей в обмен на дракона, это он понял. Но та часть про тело...

Тем временем, Многолика сделала знак своим культистам и трое громил тут же ворвались в клетку. Двое схватили вырывающуюся девушку, а третий быстро разорвал цепь, связывавшую их воедино, оставив на руках лишь блокирующий магию наручник. Когда девушку выволокли из клетки, белая маска наклонилась поближе.

— Такая молодая и уже столько шрамов. Не волнуйся, дитя, скоро я избавлю тебя от этого ужаса. — прокаркала старуха.

В ответ бирюзовые глаза полыхнули гневом, и девушка презрительно плюнула ей под ноги.

Йену потащили прочь, в узкий проход позади составленных вместе повозок. Он что-то кричал ей вслед, даже пытался встать, но резкая боль в сломанной ноге повалила его наземь. Он мог не увидеть ее снова, и от этого делалось еще больнее.

Остальные безликие стали попарно выводить пленников из клетки. Мужчины шли, опираясь на женщин. Его же подхватил один их охранников, в котором он с удивлением узнал Огонька.

— Они забрали ее! Я не смог... — яростно зашептал он безликому. В ответ тот лишь кивнул головой и потащил его к выходу.

Нужно отметить, что дисциплина у безликих была на высоте. Не прошло и десяти минут, как их построили в ровную шеренгу и попарно стали выводить через тот же узкий проход, в который совсем недавно уволокли Йену. Огонек уверенно вел его вверх по лестнице, вырезанной прямо в скале, которая заканчивалась огромной круглой площадкой, расположенную, как он узнал позже, строго под главным залом Дворца Народов. Поутреннему яркое солнце щедро освещало пространство через огромный арочный проем в стене пещеры. Был ли он искусственным творением, или причудой природы сказать было невозможно.

Разноцветные каменные плиты на полу представляли собой один огромный замысловатый рисунок. Оценить его форму не представлялось возможным из-за гигантских размеров. Но Фирласу он напомнил что-то вроде спирали вписанной в квадрат. Огонек подтащил его поближе к центру площадки, где располагался большой каменный постамент, похожий на алтарь. Край цепи он пристегнул к небольшому металлическому кольцу, вбитому в пол. Остальных пленников расставляли строго по рисунку, как бы повторяя его линии.

Не все, однако, шли добровольно. Несколько женщин подвывали, двое вообще валялись в истерике, однако, безликих такое поведение, похоже, не особо волновало. Они просто тащили свои жертвы на их места, а затем безучастно наблюдали за их буйствами. Одна эльфская пара даже рискнула бежать, но цепь, скреплявшая их, ужасно мешала и вместо побега, они просто запутались и рухнули с лестницы, по которой поднимались. Их провожатый недовольно спустился обратно и уже через мгновение показался снова, волоча за волосы рыдающую женщину, за которой прицепленное за цепь тянулось безжизненное тело ее спутника. Кое-как дотащив неудачливую пару до их места, провожатый брезгливо бросил женщину на пол и пинками подкатил тело мужчины поближе.

Фирлас с отвращением наблюдал за этой неоправданной жестокостью, когда почувствовал на плече руку Огонька. Обернувшись, он увидел Йену. Двое безликих вели ее к алтарю. А она, вместо того, чтобы сопротивляться, не моргая смотрела на него. В бирюзовых глазах ледяным огнем пылал гнев. Теперь она считала его предателем. Но ему всегда казалось, что страх был более присущ женщинам, нежели злость или ненависть. Однако, ее испуг так быстро сменялся гневом, что порой был вообще незаметен. Казалось, эта девица вообще, не умела бояться. Только злиться.

Наконец, безликие подвели ее к алтарю, пристегнули короткой цепью к наручнику и спешно удалились. Йена осталась полулежать на холодном каменном столе. Ее черты разгладились при взгляде на Огонька. Если эти двое действительно могли общаться телепатически, он должен был ей объяснить.

— *Fair!* Скажи ей, что я не предатель! Я понятия не имею, о чем говорила старуха! — взмолился он.

— Расскажешь ей сам, когда выберемся. — холодно отозвался тот. — У Йены есть план. Так что сейчас заткнись и слушай, эльф. Дважды повторять не стану.

План был до глупости прост. Нейтрализовать старуху, нейтрализовать культистов, если явится дракон, попробовать его зафиксировать, пока Фирлас прочтет нужные слова. А потом бежать. В принципе, все средства для реализации этого безумства у них имелись. Единственное, в чем он сомневался, так это в способности Йены справиться со странной старухой. Уж очень огромная сила исходила от этой Многоликой. Да и зафиксировать

дракона... Что она под этим вообще имела в виду?! Но, сомневаться было некогда. Он молча кивнул, подтверждая, что план понял, и умоляюще уставился на девушку. Та лишь сердито прищурилась и отвернулась.

Пленников расставляли еще долго. Йена успела улечься на каменный алтарь полностью, Фирлас шипя от боли, вытянул вперед ноги. Один только Огонек остался неподвижно стоять за его спиной. В какой-то момент он почувствовал, как в руки ему скользнул пузырек с синеватым зельем и небольшой кинжальчик. Радуюсь неожиданно обретенному оружию, Фирлас запихнул клинок поглубже за пояс.

Через час, рисунок наконец был заполнен пленными. Многоликая в черном, сияющем алмазами одеянии, похожим на платья шлюх из борделей Орслена, медленно проковыляла в центр круга. Да вот только на сгорбленном старушечьем теле вся эта красота смотрелась нелепо. От уровня талии вниз тянулись нити черных алмазов и агатов, на которых в свою очередь крепилась длинная юбка из тончайшего полупрозрачного шелка с разрезами по бокам. Украшений на женщине не было, если, конечно, не считать белую маску, инкрустированную бриллиантами и широкий серебряный браслет, испещренный какими-то письменами.

Именно этот браслет сразу же привлек его внимание. Небольшой круг серебра буквально гудел от силы. Он почувствовал, как руки непроизвольно сами тянутся к украшению и поспешил поплотнее сжать кулаки, чтобы вернуть контроль.

Йена, похоже, тоже заметила браслет, однако не придала ему большого значения. Была слишком занята безмолвным разговором со своим другом.

— Милое дитя, — проворковала старуха, — мне жаль, что не получилось привести тебя в нормальный вид перед обменом, но ничего. Не сомневайся, я буду бережно ухаживать за твоим прекрасным телом.

— Почему бы тебе не поухаживать за ним сейчас и не отпустить меня, бабуся? — огрызнулась Йена.

Противный каркающий смех вырвался из груди Многоликой.

— Дерзкая... это хорошо. Тем интереснее. Приступим же, мне не терпится.

С этими словами старуха вынула из-за пояса тонкий ажурный стилет, покрытый вязью незнакомых букв. До слуха Фирласа донеслось неразборчивое бормотание, в котором он с удивлением узнал древнее наречие своего народа. То самое, на котором было составлено заклятие для приручения дракона. Что бы ни делала эта женщина, это была старая и очень сильная магия. Он готов был хоть сейчас сорваться спасать Йену, если бы не рука Огонька, мертвой хваткой вцепившаяся ему в плечо.

Тем временем старуха уверенно провела стилетом по своему запястью, размазывая кровь по тонкому клинку. Светлый металл окрасился красным и замерцал, переливаясь от белого к светло-розовому. Его сердце замерло, когда она занесла светящийся стилет над распростертой на алтаре девушкой. Захотелось отвернуться, но он продолжал внимательно следить за каждым движением. Вот оружие замерло в полуметре от часто вздымающейся груди его спутницы. Вот клинок рванулся вниз и... В тот же миг был перехвачен.

Пока старуха читала заклинания, Йена не бездействовала. Она успела высвободить руку из димерита и теперь просто подловила для атаки самый неожиданный момент. Многоликая вскрикнула, когда тонкие пальцы сомкнулись на ее руке, выворачивая ее за спину. А уже через секунду девушка, пружинисто вскочившая на ноги, вогнала стилет в незащищенный живот культистки по самую рукоять.

Старуха захрипела, судорожно хватая ртом воздух, и повалилась на холодные каменные плиты, роняя на древний рисунок капли крови. Снаружи раздался протяжный драконий рык, на этот раз больше похожий на вопль. Зверь знал, что случилось с хозяйкой и, судя по всему, спешил ей на помощь. Не мешкая, Йена стащила с культистки серебряный браслет и надела его на вторую руку.

В тот же миг Фирлас почувствовал, как хватка Огонька исчезла. Он обернулся и к своему ужасу обнаружил своего охранника бездыханным на полу. И только сейчас заметил, что остальные безликие валялись точно такими же бесформенными кучками.

Рядом мелькнула рыжая тень. Это Йена бросилась к цепям, удерживающим остальных пленников. Одна за другой лопались звенья, стоило ей лишь по-особому повести рукой. Фирлас хотел попросить у нее один из браслетов, когда площадку неожиданно накрыла огромная тень.

Шумно работая крыльями, над ними завис дракон.

— Приготовься, я попробую его зафиксировать! — крикнула Йена, стараясь перекрыть создаваемый зверем шум.

[Купить полную версию книги](#)